PJ5129
.G6
S2

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PJ5129
.G6
S2

01592477

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024004159

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/satanadramav4di600gord

САТАНА

ЯКОВА ГОРДИНА

Цѣна 40 коп.

1910.

Г-682
с-21
SATANA

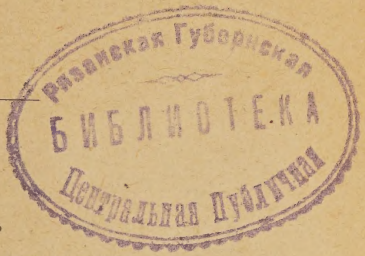
PZ5129
.G6
S2

Сатана

Драма въ 4-хъ дѣйств. и 6-ти картинахъ
съ прологомъ

Г68с

ЯКОВА ГОРДИНА.



Переводъ

ЧЕТЫ ШЕНЪ.

60165

Къ представленію дозволено Главнымъ Управленіемъ по Дѣламъ Печати за № 6360.

Прологъ разрѣшенъ къ представленію Главн. Управленіемъ по Дѣламъ Печати за № 6077.

1910.

Пьеса „Сатана“ въ оригиналѣ названа „Богъ, Человѣкъ и Сатана“, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ мы вынуждены были измѣнить заглавіе. Пьеса въ оригиналѣ вышла въ свѣтъ давно и въ свое время вызвала большіе толки въ еврейской прессѣ. „Сатана“ въ этомъ переводѣ была впервые поставлена въ Одессѣ, въ Городскомъ театрѣ и имѣла громадный успѣхъ. Въ этомъ-же переводѣ она идетъ въ Петербургѣ (Екатерин. театръ), въ Москвѣ (театръ Корша), въ Кіевѣ Харьковѣ, Ростовѣ и друг. городахъ.

Въ виду популярности пьесы, мы рѣшили выпустить ее отдѣльнымъ изданіемъ.

Цензурованные экземпляры пьесы „Сатана“ продаются у С. Ѳ. Разсохина. Москва, Тверская улица, домъ Сушкина.

Тип. «Спортъ и Наука», Екатерининская, 25.

Рязанская Губернская
БИБЛІОТЕКА
Центральная Публичная

Прологъ.

Воздушное пространство. Неясныя очертанія облаковъ. Постепенно вырисовываются парящіе въ воздухѣ добрые духи. Ниже, отдѣльно отъ всѣхъ, стоитъ Злой Духъ (Сатана).

Добрые духи (нѣкоторые):

Все въ мірѣ живущее—смертно;
Безсмертно—одно бытіе.
Все то, что стремится—то смертно,
Безсмертенъ стремленія духъ.

Добрые духи (всѣ):

Единая Истина вѣчна:
То Правда, Добро, Красота.

Добрые духи (нѣкоторые):

И гибнутъ лишь шаткія формы;
Но сущность формъ міра—одна.
Матерья жива, и безсмертно
Идея въ ней вѣчно живетъ.

Добрые духи (всѣ):

Единая Истина вѣчна:
То Правда, Добро, Красота.

Добрые духи (нѣкоторые):

Безъ духа матерія—хаосъ:
Нестройно и пусто все въ немъ;
Творитъ интеллектъ міру формы,
Все мыслью живитъ онъ своей.

Добрые духи (всѣ):

Единая Истина вѣчна:
То Правда, Добро, Красота.

Добрые духи (нѣкоторые):

Стремятся превыше всѣ формы,
По лѣстницѣ жизни идутъ...
Идея, желанье, стремленье,
Все новыя формы даютъ.

Добрые духи (всѣ):

Единая Истина вѣчна:
То Правда, Добро, Красота.
(Слышится могучій звукъ рога).

Добрые духи (нѣкоторые): Безсмертный Духъ! Онъ грядетъ! Онъ грядетъ, Созидающій Духъ Вѣчности, безсмертный Духъ Истины!

Добрые духи (всѣ): Онъ былъ! Онъ есть! Онъ будетъ!

Геній Добра (появляется): Вѣчность и гармонія во всѣхъ мірахъ, въ необъятномъ пространствѣ и въ безконечномъ времени.

Добрые духи (всѣ): Онъ былъ! Онъ есть! Онъ будетъ!

Геній Добра: Что дѣлаетъ Сатана среди духовъ Добра?...

Сатана (выступаетъ, кланяется): Я наблюдаю здѣсь, Безсмертный Духъ, жизнь духовъ Добра! (въ сторону). Монотонно и скучно тянется здѣсь въ небесахъ время, и только мои вѣсти изъ міра людей веселятъ ихъ немного. Глупые, закоренѣлые люди завидуютъ богамъ. Глупцы! Не бываетъ счастья тамъ, гдѣ нѣтъ несчастья; нѣтъ радости тамъ, гдѣ нѣтъ слезъ; нѣтъ удовольствія, гдѣ нѣтъ желанья; нѣтъ переживаній, гдѣ не существуетъ страсти; нѣтъ удовлетворенія, гдѣ нѣтъ борьбы; нѣтъ новаго, гдѣ не бываетъ возбужденія. Они тамъ не знаютъ, что одно мгновеніе слабой человѣческой жизни, имѣетъ больше интереса, чѣмъ цѣлая вѣчность могущественнаго Бога! И все таки...

Геній Добра: Сатана, откуда пришелъ ты теперь?

Сатана: Я скитался по землѣ и обходилъ ее...

Геній Добра: Что слышно новаго у дѣтей Адама?

Сатана: Ничего новаго! Они повторяютъ всегда однѣ и тѣ же глупости.

Геній Добра: Какъ? Ничего новаго у созданій, стремящихся все выше и дальше? У созданій, которыя не успокаиваются ни на мгновеніе, которыя думаютъ только о новыхъ открытіяхъ, о развитіи и улучшеніи?

Сатана: Ихъ духъ стремится высоко, и все таки они глубоко потонули въ грязи своей матеріальной жизни, они нашли очень много но-

ваго, и все еще погрязаютъ въ своихъ старыхъ, отъ времени сгнившихъ, условіяхъ. Наружно они стали лучше и прекраснѣй. Но внутренно они стали еще болѣе порочны и черствы. Въ новомъ, образованномъ человѣкѣ сидитъ старый, дикій Адамъ...

Геній Добра: Сатана, ты—духъ отрицанія и потому ты не признаешь хорошихъ качествъ человѣка. Самъ теменъ ты, и только темное видишь ты вокругъ себя! Какъ! Тысячи лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ вкусилъ отъ древа познанія, и онъ былъ изгнанъ изъ рая, тысячи лѣтъ идетъ онъ съ того времени впередъ и впередъ, а ты все еще находишь его на томъ же самомъ мѣстѣ, у вратъ рая? Безсмыслица!

Сатана: Безсмертный Духъ! Человѣкъ, дѣйствительно, очень далеко ушелъ отъ вратъ рая. Если бы онъ стоялъ на своемъ старомъ мѣстѣ, онъ навѣрное вернулся бы назадъ, потому что то, что онъ искалъ—онъ не нашелъ, а стражи рая, два херувима отъ времени постарѣли и ослабѣли. И пламенный мечъ, охраняющій путь къ древу жизни, острый мечъ, который былъ имъ данъ—сталъ тупымъ и заржавѣлъ.. Нѣтъ!... Человѣкъ, дѣйствительно, далеко ушелъ отъ вратъ рая, но чтожъ съ того, если дикость свою онъ несетъ съ собой. Онъ плетется съ одного мѣста на другое и тащитъ съ собой свои старыя пеленки. Онъ накопилъ громадныя богатства и остался разбойникомъ и попрошайкой. Онъ открылъ геніальныя орудія, чтобы облегчить свою жизнь, а думаетъ только о томъ, какъ-бы жизнь другого сдѣлать тяжелѣе. Онъ имѣетъ средства, чтобы уничтожить преграды, которыя ему ставитъ природа, но пользуется этими средствами чтобы все больше и больше порабощать своихъ солюдей. Безсмертный Духъ! Люди, какъ и прежде, дѣлятся на Авелей и Каиновъ: первые всегда гибнутъ, вторые остаются вѣчными злодѣями. Въ новомъ, образованномъ человѣкѣ сидитъ старый дикій Адамъ...

Геній Добра: Нынѣшній образованный человѣкъ, какъ я вижу, не нравится тебѣ... Истинно говоря—старый человѣкъ и мнѣ былъ гораздо милѣй. Скажи только мнѣ, слышалъ-ли ты, или, быть можетъ, самъ встрѣчалъ, тамъ, на землѣ, моего вѣрнаго, любимаго слугу—Гер-

шеле Дубровнера? Даже величайшему Богу боговъ радостно имѣть такого слугу и почитателя.

Сатана: Гершеле—писца Торы? Гершеле Дубровнера? Я знаю его! Еврей, дитя стараго, избраннаго народа... Хе-хе-хе... Онъ пишетъ Святые Закопы на кожѣ телятъ и зарабатываетъ считанные гроши во Святое Имя Еговы...

Геній Добра: Развѣ онъ не праведенъ?

Сатана: Да, онъ праведенъ, потому что онъ глупъ и не образованъ.

Геній Добра: Развѣ онъ не рѣдкой доброты человѣкъ?

Сатана: Да, онъ добръ, потому что каждый бѣднякъ—благодѣтель.

Геній Добра: Встрѣчалъ-ли ты еще коголибо, кто былъ бы такъ чистъ въ семейной жизни, какъ этотъ еврей?

Сатана: Это потому, что его уединенная жизнь отдаляетъ отъ него всякое искушеніе...

Геній Добра: Развѣ онъ не вѣрный, преданный другъ?

Сатана: Это потому, что онъ не имѣетъ чѣмъ дѣлиться со своими друзьями.

Геній Добра: Сатана, молчи, онъ честный человѣкъ...

Сатана: Люди честны только тогда, когда честность имъ не дорого стоитъ, или когда она приноситъ имъ прибыль. Хочешь-ли ты я испытаю его и ты самъ увидишь, какъ можно понадѣятся даже на лучшаго изъ нихъ...

Геній Добра: Я хочу увидѣть это!...

Сатана: Хорошо, согласенъ; эта задача мнѣ не будетъ очень трудна...

Геній Добра: Чѣмъ думаешь ты испытывать его?

Сатана: Вѣрнѣйшаго Слугу своего, Іова, Господь испытывалъ страданіями. Нынѣшняго еврея страданіями испугать нельзя. Ученый докторъ Фаустъ продалъ мнѣ свою душу за одинъ мигъ наслажденія. Такъ дѣло вести—можно только съ гоемъ. Еврей за наслажденіе дорого не заплатитъ. Вѣчный Властелинъ!... Ты позволь мнѣ испытать его деньгами.—Да, деньгами, звенящими...

Геній Добра: Ты думаешь, что у этого добраго, честнаго, всѣми помыслами въ святую Тору углубленнаго еврея, будетъ имѣть значеніе такая ничтожная вещь, какъ деньги?

Сатана: Люди, обладающіе свободой, мощью силой, жертвуютъ всѣмъ этимъ ради денегъ, въ особенности еврей, который въ деньгахъ имѣетъ единственную защиту, единственное удовлетвореніе своего честолюбія... О! Я только являюсь къ нему съ мѣшечкомъ денегъ—ты увидишь, что станетъ съ его набожностью, добротой, честностью, семейной жизнью, дружбой и всѣми остальными его добродѣтелями...

Геній Добра: Испытай....

Сатана: Я знаю, у еврея нельзя ничего дешево достать, и все-таки это мнѣ недорого обойдется (считаетъ по пальцамъ). Набожность? Это старая, вкоренившаяся привычка,—за нее я долженъ буду хорошо заплатить. Доброта? Это качество они имѣютъ только тогда, когда они не считаютъ себя мудрецами. Какъ только онъ становится умнымъ—прочь вся доброта. Хе-хе-хе.. Добръ только глупецъ!... Семейная жизнь? Это только ложь подъ маской порядочности. Э! Это качество можно у нихъ купить безъ гроша денегъ, нужно только попросить моего брата, Духа Соблазна, чтобы онъ мнѣ немного помогъ.... Честность? Ну, если онъ съ честности имѣетъ доходъ—ему придется заплатить... Безсмертный духъ! Мы поиграемъ... Я знаю, наши шутки стоятъ человѣку очень дорого, но это его собственная вина. (Звукъ Рога).

Геній Добра: Единеніе и гармонія во свѣхъ мірахъ, въ необъятномъ пространствѣ и въ безконечномъ времени (исчезаетъ).

Добрые духи:

Единая Истина вѣчна:
То Правда, Добро, Красота.

* * *

И гибнутъ лишь шаткія формы;
Но сущность формъ міра одна.
Матерья жива, и безсмертно
Идея въ ней вѣчно живетъ.

Дѣйствующія лица:

Ге́ршеле Дубро́внеръ, писецъ Торы (больше 40 лѣтъ).
Песеню его жена (тѣхъ же лѣтъ).
Фре́йденю } ихъ племянницы (18 лѣтъ).
Ципеню } (16 лѣтъ).
Ле́йзеръ-ба́дхенъ, отецъ Гершеле (около 70 лѣтъ).
Ха́цкель Дра́хме, ткачъ (больше 40 лѣтъ).
До́бе, его жена (тѣхъ же лѣтъ).
Мо́теле, ихъ сынъ (около 20 лѣтъ).
Бе́рел Ла́птихъ, ткачъ
Уріе́ль Ма́зикъ (Сатана).

Дѣйствіе происходитъ въ мѣстечкѣ Дубровнѣ въ наше время.

1-й АКТЪ.

(Большая убогая комната; два замерзшихъ окна на улицу; одно стекло разбито и отверстіе заткнуто тряпкой. Посреди комнаты большой бѣлый столъ, на которомъ лежатъ куски пергамента и Пятикнижіе, покрытое старымъ синагогальнымъ покрываломъ. На столѣ: зажженная лампа, большая чернильница и нѣсколько гусиныхъ перьевъ. Въ сторонѣ другой столъ, покрытый бѣлой скатертью; у двери печка. У стѣны возлѣ двери горятъ пять восковыхъ свѣчекъ (зажженныхъ по случаю праздника Хануки). Между печкой и стѣной кровать, завѣшанная красной занавѣсью. На стѣнѣ въ черномъ чехлѣ виситъ скрипка).

Песеню (у нея щека обложена ватой и обвязана платкомъ; чиститъ картошку у печки, въ которой горитъ огонь. Одѣта въ старый, теплый бурнусъ).

Лейзеръ и Фрейденю (сидятъ возлѣ свѣчекъ. Онъ выдергиваетъ перья изъ большого, бѣлаго гусинаго крыла; оба ножницами чинятъ концы).

Ципеню (держитъ ногу на маленькой скамеечкѣ и привязываетъ тесемкой подошву къ башмаку).

Песеню. Ну, Ципеню, чтобъ ты здорова была, что ты такъ долго собираешься?

Ципеню. Сейчасъ, тетенька! Я привязываю подошву къ башмаку тесемкой; когда я хожу, набивается снѣгъ и на каждомъ шагу стрѣляетъ: хлюпъ-хлюпъ... Ха-ха-ха... Вотъ ужъ подлинно: захочетъ Богъ, и подошва начнетъ стрѣлять. Ну, что же мнѣ имъ сказать?

Песеню. Ты скажешь имъ, чтобы ребъ Хацкель, Добе и Мотеле, всѣ, чтобы сейчасъ же пришли сюда. У насъ сегодня праздникъ... Ой, мои зубы...

Ципеню. Я имъ скажу: у насъ сегодня большой балъ, ха-ха-ха...

Лейзеръ. Такъ она беретъ и смѣется: одинъ веселый бѣднякъ лучше двухъ грустныхъ богачей, ха-ха-ха...

Песеню. Ахъ ты, болтунья, ну, пусть будетъ балъ... Прежде всего, скажи имъ, что сегодня пятый день Хануки, зажигаютъ пятую свѣчку. У людей сегодня ѣдятъ оладьи; ну,

а у насъ нѣтъ ни гречневой муки, ни гусинаго сала, мы такъ устроимъ ужинъ: селедку порубимъ, и... ой, мои зубы...

Ципеню. Я знаю, какъ дѣдушка говоритъ риѳмою:

Сегодня, Богъ далъ,
Устроили балъ,
Картошку испекли,
Селедку посѣкли.

(Обвязываетъ голову старымъ, теплымъ платкомъ).

Лейзеръ. И зубы заболѣли.
Все съ хрѣномъ съѣли.
А Ципа-плутовка
Стихъ портитъ ловко.

Шш... поди сюда, я тебѣ что-то скажу по секрету... (говоритъ ей на ухо) скажи имъ... шш... у насъ есть цѣлый графинъ сладкаго изюмнаго вина.

Ципеню (подмигиваетъ ему и смѣется). А! бражка изъ фляжки!...

Песеню. Слушай же: во-вторыхъ, дядя заканчиваетъ сегодня, въ добрый часъ, Тору, которую онъ пишетъ вотъ уже скоро шесть мѣсяцевъ. Поэтому у насъ сегодня торжество... Скажи имъ: дядя сказалъ, чтобы они, во что бы то ни стало, пришли. На, Ципеню, надѣнь мой бурнусъ, теперь очень холодно. (Раздѣваетъ бурнусъ и набрасываетъ его на плечи Ципеню).

Ципеню. Вашъ бурнусъ шитъ такъ просто,
Какъ разъ мнѣ по росту...
Я бѣгу...
(Уходитъ).

Песеню. Охъ, мои зубы!.. Мнѣ кажется, я отъ боли начну рваться скоро на стѣны. Фрейденю, что это ты дѣлаешь? Развѣ ты не знаешь, что, когда горятъ свѣчки въ праздникъ Ханука, такъ нельзя работать? Послушайте, свекоръ, вѣдь это большой грѣхъ?

Лейзеръ (поетъ на мотивъ: «Акдумойсъ»*)
Нѣтъ въ томъ грѣха, ты не бойся, родная,
Перьями пишется Тора святая.

Фрейденю. Да, тетя, это святая работа. Вы спросите дядю: это даже заслуга предъ Богомъ... Господня Тора и свѣтъ Господень — это одно и то же.

*) Акдумойсъ—гимнъ, который, поютъ въ праздникъ Троицы передъ чтеніемъ Торы.

Песеню. Охъ, мои зубы... Такой страшный холодъ... Чтобы Ципеню, не дай Богъ, еще не простудилась... Я знаю, я свои зубы простудила, потому что тутъ дуетъ изъ окна... Охъ, Господи, Боже мой, чтобъ еще хоть случилось для кого-нибудь написать Тору... Деньги такъ нужны. Ципеню вся оборвана. Вы обѣ даже шубенокъ не имѣете. А ты уже, невроко, дѣвица, тебѣ нужно было бы сдѣлать новое платье, и... и... я знаю, быть можетъ, ты скоро, въ добрый часъ, сдѣлаешься невѣстой...

Лейзеръ. А! Я знаю... Ша... Дай-ка сюда ухо. Этотъ Мотеле-плутишка переросъ свой кафтанишко.

Фрейденю. Я не хочу притворяться, будто я не знаю; я понимаю, ребъ Хацкель хочетъ, чтобы я вышла замужъ за его Мотеле. Я не хотѣла бы надѣть на свою шею такое тяжелое ярмо. Но, если дядя скажетъ, что я должна сдѣлаться невѣстой, то я его, несомнѣнно, послушаюсь. Что жъ касается платьевъ, то это глупость. И я вамъ скажу, что очень плохо, что еврейскимъ дѣвушкамъ шьютъ такъ много платьевъ, когда онѣ дѣлаются невѣстами. Я думаю, что дорогія и красивыя платья — совершенно лишнія вещи Отъ холода нужны теплыя платья, а некрасивымъ красивыя платья не помогутъ.

Песеню. Да, ты права: красивыя платья выдумалъ злой духъ...

Лейзеръ. Говорятъ якобы, что первымъ женскимъ портнымъ былъ самъ чортъ.

Песеню. Ай, дорогой свекоръ, зачѣмъ вы упоминаете о немъ здѣсь, да еще ночью. Боже мой, мои зубы... Такой старый человѣкъ, чтобы не зналъ средства отъ зубной боли! А? Должно быть вамъ все равно, что у меня болятъ зубы...

Фрейденю. Тетенька, стихами нельзя вылечить зубовъ. Я думаю, наоборотъ, отъ стиховъ они могутъ лишь разболѣться. А тѣмъ болѣе отъ дѣдушкиныхъ стиховъ.

Лейзеръ. Шш... я тебѣ могу сказать по секрету: я знаю очень хорошее средство. Ты говоришь, что мнѣ все равно? Такъ ты сейчасъ увидишь, что мнѣ не все равно (беретъ въ углу вѣникъ). Ты, дорогая сноха, возьми вѣникъ, положи его однимъ концомъ на порогъ, возьмись лѣвой рукой за опухшую щеку,—чего-жъ ты смотришь? Дѣлай, что я тебѣ говорю! (она дѣлаетъ

все, что онъ говоритъ). Теперь перешагни черезъ вѣникъ три раза туда и обратно и при каждомъ разѣ сплевывай и приговаривай: «тьфу, мнѣ все равно, тьфу, мнѣ все равно, тьфу, мнѣ все равно».

Песеню (прыгаетъ черезъ вѣникъ). Тьфу, мнѣ все равно, тьфу, мнѣ все равно, тьфу, мнѣ все равно...

Лейзеръ. Ну, дурочка, если тебѣ все равно, почему же это меня должно трогать?

Песеню (зло). На! Что ему можетъ придти въ голову! (смотритъ на вѣникъ и тихо смѣется).

Фрейденю. Дѣдушка, видно, кто былъ разъ бадхеномъ, тотъ и останется имъ навсегда.

Лейзеръ. Да, бадхенъ остается бадхеномъ, воръ остается воромъ, а дѣвушка даже послѣ смерти все подмигиваетъ свату...

(За сценой шумъ. Фрейденю оставляетъ ножницы раскрытыми на столѣ).

Песеню. Шш... кто это идетъ? (Ципеню вбѣгаетъ вся замерзшая).

Ципеню. Идутъ... (танцуетъ отъ холода). Охъ, и морозъ! Дѣдушка, я имъ разсказала вашъ секретъ... Ахъ, морозъ мнѣ защипалъ и носъ и уши... (Песеню помогаетъ ей раздѣться). Ой, что я слышала у ребъ Хацкеля? Тетенька, это правда? Добе мнѣ сказала, будто у Фрейденю съ Мотеле сегодня будетъ а! а! (бросается цѣловать Фрейденю) обрученіе? (цѣлуетъ) обрученіе... (цѣлуетъ).

Фрейденю. Ахъ, оставь меня. Что за радость такая!

Ципеню. Что за радость! Я буду кумушкой, я буду плясать, буду ѣсть пряники, я буду дуться какъ всѣ кумушки, ха-ха-ха...

Лейзеръ (припѣвая). А я такъ, примѣрно, скажу имъ навѣрно: Плачь, плачь, невѣста красотка, плачьте, всѣ бабушки, тетки... (шумъ) А! идутъ уже... (пугается, садится и притихаетъ).

Песеню. Это наши (отворяетъ двери). Входите, входите... Добро пожаловать! (Хацкель, Добе и Мотеле входятъ; всѣ тепло одѣты).

Всѣ. Добрый вечеръ, добрый вечеръ (раздѣваются).

Добе. Что ты подѣлываешь, Фрейденю? (цѣлуетъ ее). Невроко, избави Богъ отъ дурного глаза (сплевываетъ три раза). Ты сіяешь, какъ хорошо выпеченный хлѣбъ въ Пуримъ (всматривается). Ахъ! Господь съ вами. Кто это оставилъ

ножницы открытыми? Не дай Богъ, ножницы нельзя оставлять открытыми (смыкаетъ ихъ).

Песеню. Садитесь, ребъ Хацкель! Добе, Добе, садитесь, не заставляйте себя просить (всѣ садятся).

Ципеню. Садись, Мотеле (подаетъ ему стулъ). Ой, онъ стѣсняется, этотъ плутишка (Мотеле садится).

Мотеле. Если вы скажете, что я стѣсняюсь, я еще больше буду стѣсняться. Молчите лучше.

Хацкель. Ну, какъ вы поживаете, ребъ Лейзеръ? Какъ ваши дѣла? Ваши корабли не потонули? Ваши дома не сгорѣли? Ваши подряды не лопнули?..

Лейзеръ (тихо). Какъ можно, ребъ Хацкель, у меня ничего не потонуло и ничего не лопнуло.

Хацкель. Ну, гдѣ же это нашъ Гершеле Дубровнеръ? Нашъ благородный, нашъ святой, нашъ ученый еврей? (озирается). А пока его нѣтъ, дай-ка я выкурю трубку. Онъ этого не любитъ (закуриваетъ). Нна!.. Не курить, не пить, не нюхать!.. Какъ будто онъ не созданъ изъ мяса и крови. Ну, гдѣ же это онъ?

Лейзеръ. Вы вѣдь знаете, когда онъ пишетъ Тору и доходитъ до слова «Егова», онъ идетъ окунуться въ воду, не про васъ сказано... (приподнимаетъ покрывало на столѣ). Вы видите, онъ пишетъ послѣднюю фразу и долженъ написать въ послѣдній разъ «Егова», такъ онъ пошелъ окунуться.

Хацкель. Теперь, въ такой холодъ—окунуться? Это, должно быть, хорошее блюдо... Ребъ Лейзеръ, я думаю, въ наше время очень мало такихъ святыхъ евреевъ, какъ вашъ Гершеле? (они тихо говорятъ. Песя и Добе тихо разговариваютъ между собой).

Ципеню. Мотеле, что ты все молчишь? Скажи что-нибудь.

Мотеле. Я не знаю, что сказать, я не ораторъ.

Фрейденю. Ты думаешь, что необходимо говорить? Иногда помолчать гораздо лучше. Мнѣ кажется, что часто люди лгутъ и говорятъ глупости только потому, что они говорятъ, не имѣя что сказать.

Ципеню. Это... не на меня-ли ты намекаешь, а?

Фрейденю. Если имѣютъ что сказать—говорятъ, а нѣтъ—такъ нужно молчать.

Ципеню. Прежде онъ имѣлъ о чемъ говорить со мной; это тебя онъ боится.

Мотеле. Чего мнѣ бояться? Фрейденю не медвѣдь, а я не изъ пугливыхъ.

Добе (Песѣ). А у васъ, не про меня сказано, опять болятъ зубы?... Послушайте меня, возьмите бумагу, проколите ее вилкой, какъ щитъ Давида и...

Хацкель (смотритъ на скрипку). А это скрипка нашего Гершеля? Играетъ ли онъ еще иногда?

Фрейденю. Ахъ, очень рѣдко, ребъ Хацкель. Только иногда въ субботу вечеромъ, или наканунѣ праздника.

Ципеню. О! вы уже ей напомнили. Она вѣдь вся трепещетъ, когда дядя играетъ.

Фрейденю. Да, когда дядя играетъ, мнѣ кажется, что въ комнатѣ становится свѣтлѣе и радостнѣе. Все вокругъ насъ преображается, а скрипка поетъ и плачетъ и, кажется, она разсказываетъ обо всемъ томъ, что евреи пережили въ голусѣ, и что будетъ потомъ, позже, когда придетъ Мессія.

Песеню. Она умираетъ по скрипкѣ. Она бы не ѣла, не пила, не спала, только играйте ей.

Ципеню. Вы знаете, она поетъ точно такъ, какъ дядя играетъ на скрипкѣ.

Хацкель. Да, Господь наградилъ его многими талантами. Мы выросли вмѣстѣ, въ хедерѣ были друзьями, и вотъ же, вы видите—я не больше, какъ ремесленникъ, ткачъ, а онъ ученый, образованный человѣкъ. Казалось-бы, наоборотъ: мой отецъ былъ первымъ знатокомъ Талмуда въ Дубровнѣ, а его отецъ . . .

Лейзеръ. А его отецъ . . . А его отецъ былъ и остался Лейзеромъ-бадхеномъ. Ну, да, я его хотѣлъ сдѣлать музыкантомъ, а онъ вовсе пишетъ Торы. (Поетъ). Бываетъ отецъ на башмакъ кладетъ латы, а его милые дѣти—хорошіе солдаты.

Песеню (укоризненно). Свекоръ!..

Лейзеръ (смущенно). А... я... я... ребъ Хацкель, я вамъ долженъ кое-что сказать. Вы знаете, она такъ поетъ, точно играютъ на скрипкѣ...

Хацкель. Быть-можетъ, Фрейденю, пока Гершеле придетъ, ты намъ споешь? Сегодня праздникъ Ханука, и почему бы намъ не повеселиться немного? Что ты на это скажешь, плутъ Мотеле?

Мотеле. Я скажу, что если умѣютъ пѣть, то берутъ и поютъ... (чихаетъ).

Добе. Хорошіе, здоровые годы тебѣ. Мотеле, потяни себя за ухо.

Фрейденю. Нѣтъ, ребъ Хацкель, я не могу.. Дядя говоритъ, что женщина не должна пѣть при мужчинахъ.

Хацкель. Женщина? Ты женщина? пхе... ты дѣвочка, ребенокъ... А! Ничего, можешь пѣть. Я такъ толкую Законъ. Правда, хорошо истолковалъ?

Песеню. Пой, дурочка. Гершеле еще не скоро придетъ...

Мотеле. Я бы никогда не заставлялъ просить себя. (Всѣ: «пой, пой»).

Хацкель. Я простой человѣкъ, но я думаю, что пѣть никогда не грѣшно; пусть только поется. Ну, Фрейденю, послушаемъ. (Начинаетъ пѣть). Итакъ, Фрейденю споетъ намъ...

Фрейденю (начинаетъ пѣть, конфузится). Ахъ, я не могу.

Ципеню. Смотри, какъ она ломается... (всѣ: ну же, ну пой).

Фрейденю (поетъ. Всѣ слушаютъ внимательно; къ концу мужчины начинаютъ подтягивать).

Ципеню. Ай, караулъ, злодѣи, дядя идетъ. (Движеніе. Входитъ Гершеле, на немъ старая шуба; Хацкель идетъ ему навстрѣчу).

Гершеле. (Отстраняется, молча дѣлая знаки рукой и головой, чтобы ему не мѣшали, моетъ руки, цѣлуетъ Пятикнижіе и пишетъ).

Песеню. Шш... Онъ пишетъ послѣднюю фразу. (Всѣ умолкаютъ, Гершеле пишетъ).

Лейзеръ. (Хацкелю на ухо). Вы знаете? Шш... онъ пишетъ послѣднюю фразу.

Гершеле. (радостно встаетъ). Окончено Пятикнижіе Святой Торы . . . Хвала Всевышнему, Грозному Богу. Хазакъ, хазакъ *)

Лейзеръ и Хацкель: Хазакъ, Хазакъ. (Всѣ радостно шепчутъ послѣднія слова).

*) Хазакъ—дословно «крѣпись». Восклицаніе, произносимое по окончаніи чтенія каждой изъ пяти книгъ Торы.

Гершеле. Добрый вечеръ вамъ всѣмъ! Что ты подѣлываешь, ребъ Хацкель? Прими мое широкое привѣтствіе: шоломъ-алейхомъ... (Подаетъ ему и Мотеле руку). Когда мы видимъ другъ друга здоровыми, мы должны благодарить и восхвалять Господа Бога! Дѣтки, у насъ сегодня праздникъ Ханука, и я вамъ дамъ денегъ по обычаю нашему. Тебѣ, Фрейденю, пять копеекъ, а тебѣ, Ципеню, три копеечки. У насъ нѣтъ меньшихъ дѣтей, такъ онѣ у насъ маленькія. А ты, Мотеле, не обижайся, повѣрь, у меня нѣтъ больше ни гроша.

Песеню. Гершеле, вѣдь ты только что имѣлъ пятнадцать копеекъ?

Гершеле. Когда я шелъ домой послѣ омовенія, я встрѣтилъ бѣдняка—ахъ, зачѣмъ разсказывать? У меня больше нѣтъ ни полушки. Мотеле меня, навѣрно, проститъ...

Хацкель. Что ты думаешь, ребъ Гершеле, для Мотеле копейка-крупная монета? Онъ ткетъ талесы, какъ молодецъ и зарабатываетъ отъ восьми до двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ.

Добе. Невроко, избави Богъ отъ дурного глаза, отъ нечистаго, отъ напасти (сплевываетъ три раза).

Мотеле. Я знаю, что тутъ дѣвушекъ считаютъ маленькими дѣтками—такъ я принесъ вертушку—вы видите, цѣлая машина (вынимаетъ большую вертушку).

Ципеню. Ой, мы будемъ играть! Тррр... (вертитъ) Н, г, ш, а... Я знаю, эти буквы означаютъ: Н-несъ-чудо; Г-годль-великое; А-ойо-случилось; Ш-шомъ-тамъ. Чудо великое случилось тамъ. Н и Ш проигрываютъ, а А и Г выигрываютъ. Не правда ли, я помню?

Гершеле. Да, дѣтки, большое чудо случилось тогда, и только чуду обязаны мы жизнью своею. Благословенъ Господь и благословено имя Его...

Добе. Говорятъ, что когда въ еврейскихъ домахъ горятъ свѣчки на Ханукѣ, то всѣ вѣдьмы прячутся.

Песеню. Шутка-ли? Ханука... Ой... мои зубы....

Лейзеръ. Ханука праздникъ пригожій, отъ оладей разбухнутъ всѣ рожи, потомъ заиграютъ въ вертушку... (смотритъ на сына и пугается). Э... ребъ Хацкель, я васъ хотѣлъ спросить: шш... не знаете ли вы когда новолуніе?

Ципеню. Фрейденю, сядь ближе. Мотеле, у тебя есть деньги? сыграемъ...

Мотеле. У меня все крупныя монеты: два пятака и гривенникъ.

Фрейденю. Я не буду играть, я люблю слушать, когда дядя говоритъ.

Гершеле. Играйте, дѣтки, веселитесь. У насъ всѣхъ сегодня праздникъ, а у васъ, дѣтки, если это суждено Господомъ Богомъ, сегодня будетъ праздникъ изъ праздниковъ.

Хацкель. Этотъ плутъ Мотеле притворяется, будто ничего не слышитъ. Ха, ха, ха...

Гершеле. Мнѣ только очень жаль, что Песеню не можетъ веселиться вмѣстѣ съ нами. У нея, бѣдной, болятъ зубы... Песеню, ты, можетъ быть, спросила бы знахаря, а?

Добе. Ишія-Мойше меламедъ—чудный знахарь. За двѣ копейки онъ отшептываетъ зубную боль на яйцѣ, а болячки на трехъ миндаляхъ.

Гершеле. Потрудись, Песеню, попотчуй чѣмъ нибудь гостей, а я пока переговорю съ ребъ Хацкелемъ (Гершеле и Хацкель уходятъ въ сторону и разговариваютъ). Отецъ, потрудись, пожалуйста, къ намъ поближе. Я думаю, было бы непочтительно намъ совѣщаться безъ него... Старшій человѣкъ... въ домѣ, не идетъ какъ-то (Лейзеръ подходитъ къ нимъ).

Хацкель. Почитать отца хорошо, но, ты не обижайся, я простой человѣкъ, и по моему простому разумѣнію выходитъ, что благое дѣло хорошо, когда его не пересаливаютъ.

Ципеню. Фрейденю, ты знаешь о чемъ они говорятъ? У, плутишка, у меня даже сердце забилось. Мотеле, ставь копейку.. (они играютъ).

Мотеле. Я у васъ сейчасъ все выиграю...

Фрейденю. Я никогда не выигрываю, всегда проигрываю. (Песеню ставитъ на столъ графинъ вина и стаканчики).

Добе (приглядывается къ стаканчикамъ). Ой, Богъ съ вами. Что это вы ставите на столъ треснувшій стаканчикъ? Когда пьютъ изъ стаканчика съ изъяномъ, тогда, избави Богъ, не здѣсь сказано, не про еврейскую семью сказано, могутъ собраться вѣдьмы.

Песуню. Что вы говорите? А я и не знала (убираетъ стаканчикъ). Евреи, ну? Гершеле, можетъ быть, ради праздника Хануки...

9165

Гершеле. Да, да, они выпьютъ немного вина... Отецъ, чтобы онъ былъ здоровъ, и ты ребъ Хацкель... На меня не обижайтесь, я самъ къ себѣ строго отношусь. Это не потому, не дай Богъ, что я хочу казаться лучше другихъ, но я думаю: пока еврей въ голусѣ, онъ можетъ пить немного вина только при трапезахъ въ пятницу и при благословеніи луны въ субботу. Что ты скажешь, ребъ Хацкель? Я, быть можетъ, пересаливаю, но это не грѣхъ. Отецъ, потрудись пожалуйста... (ведетъ его къ столу).

Хацкель. Я простой человѣкъ, но по моему простому разумѣнію, если ужъ случается у еврея праздникъ, почему-бы ему и не позабыть хоть на минуту своего горя и свой голусъ? Почему все должно доставаться гою? Еврей, избави Богъ, не долженъ быть пьяницей, но выпить иногда немного и повеселить свою бѣдность-- почему нѣтъ?

Лейзеръ. (наливаетъ себѣ стаканчикъ, оживляется, напѣваетъ).

И потянулся, другъ мой, къ фляжкѣ
Налить себѣ немного бражки...

(смотритъ на сына и смущается). Э... то-есть я хотѣлъ сказать... Будемъ здоровы, «лехаимъ». Пусть Богъ дасть счастія (произноситъ про себя молитву, благословеніе надъ виномъ и жадно пьетъ).

Хацкель (беретъ стаканчикъ). Съ самаго нашего дѣтства мы были товарищами, друзьями, а теперь, если это будетъ угодно Богу, мы еще сдѣлаемся родственниками. Лехаимъ. Будемъ здоровы! (пьетъ). Что же, ребъ Гершеле, мы будемъ пить, а ты?

Гершеле. А я? Фрейденю, быть можетъ, сегодня, въ добрый часъ, сдѣлается невѣстой, такъ я ради нея, то-есть, я хотѣлъ сказать, ради всѣхъ васъ, немного поиграю (идетъ къ скрипкѣ).

Фрейденю (бѣжитъ къ скрипкѣ). Ой, дядя будетъ играть, дядя будетъ играть (снимаетъ скрипку со стѣны). Дядя такой добрый... У меня даже руки задрожали... Неправда-ли, тетя, я покраснѣла... (съ благоговѣніемъ вынимаетъ изъ чехла скрипку). Тутъ все такъ буднично и просто, а когда дядя играетъ, то кажется, будто приходитъ что то изъ другого міра. Я боюсь, дядя будетъ смѣяться надо мной, но мнѣ кажется, что первая скрипка явилась къ человѣку потому, что ангелъ уронилъ ее и она упала къ намъ съ небесъ...

Гершеле. Да, Фрейденю, все приходитъ съ небесъ. Богъ даетъ человѣку страданія, и даетъ ему утѣшенія... Онъ далъ ему голосъ, чтобы восхвалять Господа Бога и пѣть... для своего удовольствія. Онъ создалъ музыку, чтобы воспѣвать Великаго Творца міровъ и чтобы человѣкъ самъ также наслаждался. (Лейзеръ улучаетъ минуту, когда сынъ не глядитъ на него и выпиваетъ еще стаканчикъ. Гершеле настраиваетъ скрипку, натираетъ смычекъ канифолью и произноситъ задумчиво). Прекрасная молитва Псаломъ Давида—Когда Господь мой пастырь, что мнѣ еще нужно! На зеленыхъ травахъ, на тихихъ водахъ онъ дастъ мнѣ покой. Онъ возрадуетъ мою душу тѣмъ, что поведетъ меня по пути истины. И если я пойду даже долиной тьмы, я тоже не страшусь.

Добе. Не здѣсь сказано, не къ ночи вспомянуто.

Гершеле. «Я не страшусь... ибо Онъ, мой Богъ, со мной»... Да, Онъ, мой Богъ, со мной. (играетъ псаломъ Давида, всѣ слушаютъ внимательно, въ особенности Фрейденю. Кто-то стучитъ въ окно).

Песеню. Шша... кажется, кто-то стучитъ... (Всѣ прислушиваются, слышится голосъ).

Добе. Ой, мнѣ кажется, я слышу будто собака воетъ. Нужно было бы перевернуть башмакъ.

Ципеню. Мой башмакъ завязанъ тесемками (бѣжитъ къ двери). Кто тамъ? (Мазикъ открываетъ дверь; носитъ красивую шубу, одѣтъ по европейски).

Мазикъ. Извините пожалуйста, тутъ живутъ евреи?

Ципеню. Видите же вы, что не турки. Входите и закройте двери, пожалуйста.

Мазикъ. (споткнувшись о порогъ). Тьфу, къ чорту... Пусть его возьметъ черный годъ чуть было не упалъ...

Добе. Ой, не здѣсь сказано, не въ еврейскомъ домѣ сказано.

Песеню. Послушайте, еврей, у насъ въ домѣ не вспоминаютъ его имени. У насъ въ домѣ не слышно ни ругани, ни брани.

Мазикъ. Простите, пожалуйста, добрый вечеръ... Прежде всего я вамъ разскажу, кто я, и какъ я къ вамъ попалъ. Самъ я изъ Орши и торгую лоттерейными билетами.

Всѣ. Что это такое?

Мазикъ. Это выигрышные билеты. Берутъ билетъ и выигрываютъ деньги. Съ такимъ билетомъ очень легко сдѣлаться богачемъ. Теперь праздникъ Ханука, такъ я на пару дней пріѣхалъ къ вамъ въ Дубровно. Я знаю, что теперь по вечерамъ въ каждомъ еврейскомъ домѣ сидятъ люди, такъ я хожу и предлагаю свои билеты. У меня имѣются брауншвейгскіе, лейпцигскіе, варшавскіе. (Вынимаетъ изъ бумажника лотерейные билеты). Слышите? Вы можете выиграть пятьдесятъ тысячъ и сразу сдѣлаться богачомъ.

Песеню. Сколько? Ой, мои зубы.

Мазикъ. Пятьдесятъ тысячъ рублей.

Песеню. Ты слышишь, Гершеле?

Добе. Ты слышишь, Хацкель?

Гершеле. Мнѣ очень жаль, что вы напрасно побезпокоились. Но... разъ вы уже здѣсь, то погрѣйтесь... Мы, упаси Боже, не гонимъ людей изъ дома. Шоломъ-алейхемъ. Садитесь (подаетъ ему руку). Ваше имя?

Мазикъ (садится). Мое имя Уріэль Мазикъ.

Добе. Мазикъ не здѣсь будь сказано.

Ципеню (тихо). Мотеле, ты слышишь—имя Мазикъ?*) (щиплетъ его). Ха, ха, ха... (они играютъ и смѣются). Мазикъ... ха, ха, ха... (играютъ и смѣются).

Хацкель. Люди устраиваютъ себѣ дѣло, торгуютъ тѣмъ, что случится когда-нибудь. По моему разумѣнію, если ты продаешь что-либо, покажи мнѣ сейчасъ товаръ на полкѣ...

Мазикъ. (показываетъ билетъ). Вотъ это товаръ. Это бумажка? Бумажныя деньги тоже не товаръ, однако онѣ—богатство. Въ самыхъ большихъ банкахъ, на биржахъ тоже не видно товаровъ, и только посредствомъ бумагъ передаются изъ рукъ въ руки милліоны, милліарды... Правда, лоттерейный билетъ не деньги, но представьте себѣ, что за пару рублей вы пріобрѣтете возможность выиграть главный выигрышъ и пріобрѣтаете тысячу возможностей выиграть столько, чтобы, по крайней мѣрѣ, сама игра вамъ ничего не стоила. Я оставляю вамъ такой билетъ, и не беру за это ни гроша. Слышите? За ничто вы получаете надежду въ самое короткое время сдѣлаться богачомъ. Вмѣсто того, чтобы жить въ тѣсной, темной, холодной комнатѣ, съ разбитыми стеклами, съ поломанными стульями, вы будете жить въ роскошной,

*) Мазикъ по-еврейски—Сатана, чортъ.

теплой, свѣтлой квартирѣ, въ большихъ комнатахъ съ прекрасной мебелью и дорогими коврами на полу. Имѣть такую надежду—это тоже чего нибудь да стоитъ. Безъ такого билета вы даже надѣяться не можете когда-нибудь сбросить съ себя нищету.

Гершеле. Любезный другъ, я надѣюсь только на своего Бога въ небесахъ, и все, что я выигрываю у Него — мой выигрышъ; что Онъ даетъ мнѣ—тѣмъ я и доволенъ. Какъ? Надѣяться на бумажный билетикъ, когда у меня такой Великій, Всемогущій Отецъ въ небесахъ!!

Мазикъ. Что значитъ, Онъ даетъ вамъ? Вотъ попробуйте ничего не дѣлать и понадѣйтесь только на Него, чтобы Онъ вамъ сбросилъ съ неба—такъ вы не умрете съ голоду? (Лейзеръ тайкомъ пьетъ). Развѣ вы не видите, что на свѣтѣ не тотъ имѣетъ, кто ждетъ, что бы ему дали, а тотъ, кто, имѣя умъ, беретъ себѣ самъ... Да нашъ Добрый, Всемогущій Отецъ въ небесахъ даетъ вамъ разумъ, чтобы вы жили, какъ человѣкъ, но если вы хотите жить, какъ скотина—охъ, съ большимъ удовольствіемъ! Ха, ха, ха... Что значитъ, вы можете надѣяться только на Него? Что, вы думаете, что ради васъ случится чудо? Вотъ посмотрите: дѣти играютъ въ вертушку (беретъ вертушку). Тутъ написано: Несъ, годлъ, ойо, шомъ; несъ—значитъ чудо, не выигрываетъ; шомъ, то-есть, тамъ—тоже не выигрываетъ. Что же выигрываетъ? Годлъ — то, что велико, талантливо, одарено. Что еще выигрываетъ? Ойо—то, что было, фактъ, дѣйствительность. Чудо не выигрываетъ, нѣтъ! То, что тамъ, неизвѣстно гдѣ, то, чего не видятъ и не знаютъ—то не выигрываетъ. А! Не будьте евреемъ...

Гершеле. Богъ съ вами! Что значитъ, чтобы я не былъ евреемъ? Не дай Богъ...

Мазикъ. Это только говорится такъ. Это значитъ, не будьте упрямымъ человѣкомъ, и берите билетъ. Я ручаюсь вамъ, вы выиграете пятьдесятъ тысячъ. Вы слышите, безъ труда, безъ хлопотъ безъ заботъ—пятьдесятъ тысячъ рублей.

Гершеле. Ахъ, Боже мой! Оставьте меня въ покоѣ, прошу васъ. Что это значитъ, я выиграю пятьдесятъ тысячъ? У кого я ихъ выиграю? Кто это мнѣ даромъ дастъ пятьдесятъ тысячъ рублей? Если я буду счастливъ и выиграю пятьдесятъ тысячъ, то вѣдь будутъ такіе несчастные,

которые эти пятьдесятъ тысячъ проиграютъ. Какъ можно, я этого никогда не сдѣлаю (задумывается).

Лейзеръ. Богачъ живетъ безъ заботъ, милостыни много раздаетъ, милостыню въ кружку онъ бросаетъ и свою утробу ублажаетъ... (смущенно). Я... я хочу сказать, Гершеле, что тѣ деньги, которыя выигрываютъ,—выплачиваетъ казна. Что тебѣ мѣшаетъ? Пусть она платитъ (идетъ къ Мазику). Шш... извините, пожалуйста, я хотѣлъ васъ спросить (на ухо), который теперь часъ? (садится на свое мѣсто).

Гершеле. Да и кромѣ того, къ чему мнѣ такъ много денегъ? Я даже не буду знать, что съ ними дѣлать?

Хацкель. Ребъ Гершеле! Это ты уже говоришь, прости меня, какъ слишкомъ большой простакъ! Если ты ужъ будешь имѣть этотъ кладъ —будешь знать, что съ нимъ дѣлать. Вотъ, напримѣръ, я ткачъ; мой Мотеле тоже ткачъ. Мы ткемъ святые талесы и зарабатываемъ грѣшныя болячки. Кто зарабатываетъ? Тотъ, кто не ткетъ. Мы хватаетъ нашими мозолистыми руками горячіе пироги изъ печи—а кто ихъ глотаетъ? Дармоѣдники! А почему? Потому, что мы слишкомъ большіе бѣдняки.

Добе. Хацкель, не ропщи такъ на... я рукъ не мыла.

Хацкель. Но если бы ты, Гершеле, имѣлъ деньги, мы могли бы дома имѣть ткацкіе станки, и мы не должны были бы работать чортъ знаетъ на кого...

Добе. Не здѣсь сказано, не въ еврейскомъ домѣ сказано.

Песеню. Гершеле, съ деньгами можно помочь себѣ. А что? Бѣдность и болѣзни—хорошее дѣло?

Ципеню. Намъ сшили бы сейчасъ же новыя теплыя шубки, мои башмаки не были-бы завязаны тесемкой, а Фрейденю дали бы приданное и сшили бы красивыя платья къ свадьбѣ.

Мотеле. Если бы этотъ еврей далъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ — я взялъ бы безъ всякихъ разговоровъ.

Добе. Ребъ Гершеле, быть можетъ у этого еврея легкая рука? Счастье приходитъ только съ легкой руки...

Фрейденю. Мнѣ не нужны красивыя платья. Дядя и всѣ мы были довольны и счастливы и безъ денегъ.

Мазикъ. Онъ не былъ счастливъ и доволенъ, онъ только не зналъ, чего ему недостаетъ. Всѣ несчастные, живущіе въ нищетѣ, не были бы такими бѣдняками, если-бъ знали, чего имъ не хватаетъ. Если бы они лучшаго требовали, они бы это лучшее имѣли. Скажите сами: зачѣмъ вамъ терпѣть холодъ, голодъ и нужду? Почему ваши дѣти должны ходить босыми и голыми, если вы можете выиграть пятьдесятъ тысячъ и жить въ довольствѣ, восхваляя Бога Что я говорю, пятьдесятъ тысячъ, — вы должны знать: деньги идутъ къ деньгамъ! Если вы будете имѣть пятьдесятъ тысячъ, то эти тысячи будутъ все умножаться и умножаться. Ребъ Гершеле, если вы сами не желаете себѣ добра, пожалѣйте хоть вашихъ дѣтей. Они вѣдь только начинаютъ жить.

Песеню. Развѣ онъ не правъ?

Мазикъ. У васъ только дочери?

Добе. Она бездѣтна, не про меня сказано, не про еврейскую дочь сказано.

Песеню (привѣтливо). Добрый другъ! Насъ Господь не благословилъ дѣтьми. Это племянницы. Когда Ципеню родилась, моя сестра умерла. Фрейденю было два года тогда. Такимъ вотъ карапузикомъ была... Я ихъ выростила и воспитала...

Мазикъ. Берите, берите билетъ! Я у васъ теперь не прошу ни гроша, и вы этимъ никому не сдѣлаете зла... Искать способовъ, какъ избавиться отъ нищеты—это не грѣхъ. (Насильно даетъ Гершеле билетъ). Пятьдесятъ тысячъ не валяются на улицѣ. Пятьдесятъ тысячъ!

Песеню. А какъ мы узнаемъ, что мы выиграли?

Мазикъ. О, будьте спокойны, я вамъ дамъ знать. Я слѣжу за этимъ, я съ этого получаю проценты.

Песеню. Та-а-къ! Вы берете себѣ часть! Такъ намъ вѣдь не останется пятидесяти тысячъ?

Мазикъ. Нѣтъ, какъ можно! Я съ этихъ денегъ не беру. Вы получаете пятьдесятъ тысячъ до единой копейки.

Гершеле. Вы извините меня, ребъ еврей, но вы меня совсѣмъ сбили съ толку. Что это

значитъ? Ой, Всевышній Богъ, что мнѣ дѣлать? (Держитъ въ рукѣ билетъ; не знаетъ что дѣлать).

Хацкель. Ребъ Гершеле, извини меня, я простой человѣкъ, но я долженъ сказать тебѣ: этотъ еврей правъ. Что значитъ ты спрашиваешь у Бога, что тебѣ дѣлать? Ты думаешь, Ему, въ самомъ дѣлѣ, не все равно, возьмешь ли ты билетъ, или нѣтъ? По моему разумѣнію: Всевышній Богъ—таки Всевышній Богъ, а человѣкъ долженъ быть человѣкомъ. Хотятъ взять билетъ—берутъ, не хотятъ—не берутъ; но Его не надо вмѣшивать въ такія дѣла.

Гершеле. Я вамъ скажу: если я ужъ, не дай Богъ, выиграю,—я буду знать, что Господь заплатилъ мнѣ за всѣ тѣ Торы, которыя я напишу до самой моей смерти. Я смогу всѣ дни сидѣть спокойно и писать Торы для бѣдныхъ евреевъ, для синагогъ и для солдатскихъ молеленъ.

Мазикъ. Это мы уже увидимъ, когда вы выиграете!

Гершеле (осматриваетъ билетъ). Ой, кто можетъ повѣрить, что благодаря такому кусочку бумажки можно сдѣлаться богачомъ. А—а... Всевышній Отецъ въ небесахъ! какъ велики Твои чудеса!... Кто какъ Ты между Богами, Господи! Кто, какъ Ты, величественъ святостью, дивный во славѣ, творящій чудеса?

Песеню. Гершеле, если у насъ будетъ много денегъ, я смогу поѣхать къ хорошему врачу; и, быть можетъ, Господь еще благословитъ меня сыномъ...

Добе. Ой, чтобы вы были здоровы. Узнала я средство, чтобы имѣть дѣтей (говоритъ тихо, Мазикъ прислушивается). Берутъ старую, сухую вербу, которую мужчины послѣ молитвы кладутъ на алтарь, завариваютъ ее, какъ чай, и пьютъ девять разъ.

Лейзеръ (озирается и пьетъ). И пьютъ девять разъ—это надо запомнить.

Мазикъ (открываетъ бумажникъ, изъ него выпадаетъ золотая монета. Мазикъ отходитъ въ сторону, что-то записываетъ и въ то же время говоритъ). Ребъ Гершеле, чтобы имѣть дѣтей, есть хорошее средство!

Ципеню. А ну, дорогой дядя, покажите-ка этотъ красивый билетикъ. (Показываетъ Мотеле). Видишь, Мотеле?

Фрейденю. Есть тутъ на что смотрѣть! (Ципеню хочетъ взять у Мотеле билетъ и надрываетъ его).

Гершеле (внѣ себя). Ой, вы порвали!.. Чтобъ васъ чортъ!.. Господи, не наказывай меня за эти слова. Что я хотѣлъ сказать.

Мазикъ. Ничего, ничего! Это не мѣшаетъ, что немножко порвано. Я говорю, ребъ Гершеле, чтобы имѣть дѣтей есть хорошее средство! Благочестивый еврей по закону не долженъ жить съ бездѣтной женой больше десяти лѣтъ. Разведитесь вы съ вашей старушкой и возьмите вашу молоденькую, красивую племянницу (указываетъ на Фрейденю).

Фрейденю. Ой, Богъ съ вами, что это вы говорите! Боже мой, что вы говорите! (закрываетъ лицо руками).

Песеню. Что? а? (Гершеле взглядываетъ на нее и отворачивается. Песеню хочетъ что то сказать, но замѣчаетъ золотую монету, наступаетъ на нее ногой и, взволнованная, останавливается).

Мазикъ. Ха-ха-ха... Я шучу! Доброй ночи! Я только пошутилъ (одѣваетъ шубу).

Добе. Хацкель, онъ уже уходитъ; можетъ быть, ты тоже возьмешь билетъ? За что имъ однимъ пятьдесятъ тысячъ? Вотъ видишь,у меня чешется правый глазъ. Это знакъ, что у насъ будутъ непріятности (третъ лѣвый глазъ).

Хацкель. Добе, ты уже имъ завидуешь? Пусть онъ только выиграетъ. Что у него, что у меня — это все равно. Ты не будешь имѣть непріятностей—у тебя чешется вовсе лѣвый глазъ.

Добе. Это лѣвый? Такъ вѣдь это-жъ признакъ радости.

Лейзеръ (пьяный). И потянулся другъ мой къ фляжкѣ, налить себѣ немного бражки... Онъ, говоритъ, Фрейденю, что ты хорошее средство! Видишь, Гершеле, это уже хорошій выигрышъ... И потянулся другъ мой...

Гершеле. Отецъ, потрудись, пожалуйста,— иди къ себѣ, я прошу тебя.

Лейзеръ. Нѣтъ, нѣтъ... И потянулся другъ мой...

Гершеле. Отецъ, ты не думай,—я не хочу тебя обидѣть; наоборотъ, я боюсь, что тебѣ будетъ стыдно (беретъ его на руки и выноситъ).

Лейзеръ (дрыгаетъ ногами и кричитъ). Нѣтъ, нѣтъ, пусти меня... И потянулся другъ мой къ фляжкѣ...

Мазикъ. Я продалъ имъ билетъ легче, чѣмъ я разсчитывалъ. Выиграть главный выигрышъ и легко сдѣлаться богачомъ это не шутка! Ха-ха-ха... Спокойной ночи! (уходитъ).

Занавѣсъ.

2-й АКТЪ.

(Богатый залъ. Лейзеръ сидитъ въ креслѣ и дѣлаетъ мышенка изъ своего большого краснаго носового платка. Ципеню стоитъ у зеркала и заплетаетъ волосы. На столикѣ въ футлярѣ лежитъ скрипка Гершеле).

Лейзеръ. (Подкрадывается къ Ципеню). Крррр... Правда, ты испугалась мышенка? Когда ты выйдешь замужъ за Мотеле, я буду для твоихъ чертенятъ дѣлать такихъ звѣрьковъ...

Ципеню. То есть, какъ это? Я выйду замужъ за жениха моей сестры?

Лейзеръ (испуганно озирается). Шш... не разговаривать и не разсуждать...

Ципеню. Скажите правду, дѣдушка, нравится вамъ то, что мы попали въ эти высокія хоромы? Я себя такъ чувствую, какъ будто я одѣла дядинъ кафтанъ... Это что то не по мѣркѣ скроено... Ха-ха-ха... Честное слово, когда у меня башмаки были завязаны веревочкой, то... какъ будто лучше скрипѣло.

Лейзеръ. Кошечка, это только пока твои нищенскія привычки не выдохнутся... Я себя чувствую очень хорошо, потому что я урожденный богачъ. Дурочка, развѣ это плохо, что мы ежедневно ѣдимъ мясо съ бѣлымъ хлѣбомъ. И можно подчасъ выпить капельку? И потянулся другъ мой къ фляжкѣ...

Ципеню (подхватываетъ).

Налить себѣ немного бражки...

Ой, дѣдушка, вы знаете надъ нами смѣются. Насъ называютъ: эти новоиспеченные богачи!..

Лейзеръ. А ты думаешь, что черствый богачъ вкуснѣе? Я тебѣ скажу правду... Я былъ бы совсѣмъ доволенъ, если бы... если бы... Иди сюда, я тебѣ скажу по секрету (Ципеню бѣжитъ къ нему, онъ говоритъ ей на ухо). Ципеню, у меня не такъ, какъ у всѣхъ людей... У другихъ—сынъ уважаетъ отца, а я—боюсь Гершеле...

Ципеню. Чего вы боитесь? Онъ васъ высѣчетъ?

Лейзеръ. Да, да... Положительно боюсь... Я дѣлаю видъ, будто я герой, а на самомъ дѣлѣ, я его боюсь. Языкомъ я балагурю, а здѣсь (указывая на сердце) я себя чувствую совсѣмъ не по пасхальному... Я маленькій человѣкъ, а онъ подавляетъ меня своей ученостью, своей святостью, добротой. Когда онъ здѣсь, Лейзеръ-бадхенъ дѣлается еще двумя вершками ниже. Ципеню, теперь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ богачемъ, когда онъ взглянетъ на меня своими холодными, задумчивыми глазами—у меня мурашки начинаютъ бѣгать по тѣлу. Видно отъ денегъ получается холодъ въ глазахъ. Дитя, я маленькій человѣкъ, и не могу себѣ мѣста найти...

Ципеню. Вы хоть человѣкъ маленькій, за то любите стаканчикъ большой.

Лейзеръ. Да, теперь я маленькій человѣчекъ, но было время, давно, когда я въ своемъ кругу былъ великъ и знаменитъ... Когда я, бывало, приходилъ на свадьбу, на меня указывали пальцами, всѣ женщины начинали шептаться, всѣ дѣвушки визжали отъ радости: «это онъ», «это онъ»... А когда я начиналъ говорить невѣстѣ напутственное слово, становилось такъ тихо, какъ въ синагогѣ во время молитвы Шмойне-Эсра... Мои глаза зажигались, сердце начинало биться и трепетать. Музыканты отъ моихъ словъ воодушевлялись, а первыя скрипки вмѣстѣ со мной говорили и рыдали. Какъ въ судный день, женщины плакали, невѣста проливала горькія слезы.., Охмелѣвшіе мужчины отрезвлялись... О, это было хорошее, чудное, прекрасное время... (сидитъ грустный).

Ципеню. Дѣдушка, что это вы такъ закручинились? Хотите—мы тутъ сейчасъ сыграемъ свадьбу. Представьте себѣ—вотъ я невѣста... Вотъ я сажусь и накрываюсь. (Накрываетъ голову платкомъ). Такъ играть совсѣмъ не дурно. (Смѣется).

Лейзеръ. Ты хочешь послушать—ну, пожалуйста... Скрипочка начинаетъ!.. Ти-ди-дидомъ... (Становится на стулъ и поетъ—какъ на свадьбѣ.

Плачь-же, невѣсточка, плачь-же родимая,
Больше не будетъ, что было.
Дни твои вольные, дни твои свѣтлые

Навѣкъ тебя позабыли.
Въ морѣ чужомъ подплываешь ты къ берегу
Дальнему, жутко-чужому.
Цѣпи скуютъ тебѣ, цѣпи тяжелыя
Сердцу, какъ день, молодому.
Муки и горе тебя стерегутъ уже,
Пѣсни ужъ пѣть перестанешь,
Быстро, какъ цвѣтикъ невинный въ чужбинѣ ты
Быстро склонишься, увянешь.

Ципеню. Ой, право таки дѣлается грустно на душѣ (плачетъ).

Лейзеръ.
Домъ твой родимый далеко останется,
Плакать ты будешь слезами...

Песеню. (Входитъ). Ой, свекоръ, что вамъ можетъ придти въ голову! (Лейзеръ пугается и садится въ уголъ). Смотри-ка, онъ шутитъ, а она плачетъ. (Вытираетъ ей слезы). Дурочка! Свекоръ, какъ видно, когда живется хорошо, то нѣтъ другой работы: либо спать, либо плакать. Съ тѣхъ поръ, какъ намъ достался главный выигрышъ, я не знаю, куда дѣться... И Гершеле тоже, какъ будто чужимъ сталъ. Всегда разсѣянъ, озабоченъ. Въ бѣдности всѣ были какъ-то ближе другъ къ другу...

Ципеню. Что же, тетя, вамъ уже жалко?

Песеню. Жалко? Какъ можно! Слава Богу, мы ставимъ каждый день самоваръ, у насъ тепло, мы всѣ одѣты. Но я думала, что будетъ лучше.

Ципеню, Выиграть деньги, быть можетъ и не плохо, только то, что мы вмѣстѣ съ деньгами выиграли Мазика—это портитъ весь компотъ...

Песеню. Глупенькая, онъ вѣдь компаньонъ. Гершеле въ дѣлахъ совсѣмъ, какъ слѣпой...

Лейзеръ. Шш... они идутъ сюда... Лейзеръ, спрячь своего бадхена... (Пугается и садится. Входитъ Гершеле и Мазикъ. На Гершеле новый шелковый лапсердакъ. Оба продолжаютъ разговоръ).

Гершеле. Откуда вы знаете все это? (садится справа).

Мазикъ. Я прочелъ всѣ философскія сочиненія въ древне-еврейской литературѣ...

Гершеле. То есть какъ это? Чтобы не было возмездія? Чтобы каждый человѣкъ дѣлалъ

то, что ему хочется? Какъ дикіе звѣри люди грѣшили бы, терзали и топтали бы другъ друга ногами. Человѣкъ безъ узды—созданіе зла и порока.

Мазикъ. А я говорю,—гораздо лучше было бы сказать Богу: мнѣ не нужны Твои награды, и я не хочу Твоихъ наказаній. Не карай меня и не награждай меня. И будемъ квиты.

Гершеле. Если бы не было каръ и наградъ, то для чего человѣку жить на свѣтѣ? Наше наслажденіе — бороться противъ всего злого, а наше счастье — дѣлать все то, что хорошо и свято. Безъ этого человѣкъ—не человѣкъ.

Лейзеръ. Человѣкъ — свинья, толмакъ. Не знаетъ что, когда и какъ... (встрѣчаетъ сердитый взглядъ Гершеле). Ребъ Уріель, потрудитесь, пожалуйста, я васъ хотѣлъ спросить... (Мазикъ идетъ къ нему). Шш... который теперь часъ?

Мазикъ. Чтобы отецъ ребъ Гершеле Дубровнера такъ дурачился!..

Гершеле (съ досадой). Отецъ, извини, пожалуйста, почему ты не сидишь у себя? Ты вѣдь имѣешь отдѣльную комнату. (Лейзеръ взглядываетъ, какъ бы желая что-то сказать, смущается и быстро уходитъ). Да, Всевышній Богъ создалъ зло, чтобы человѣкъ могъ творить добро...

Мазикъ. Если не человѣкъ создалъ зло, почему же онъ долженъ быть наказываемъ за то, что не изъ-за него явилось на землю? (вынимаетъ сигару и закуриваетъ). Выкурите сигару, ребъ Гершеле, это очень хорошая сигара.

Гершеле. Сигара — это горькое, дымное удовольствіе. Ребъ Уріель, Богъ создалъ добро и зло, а человѣку далъ свободную волю. Воля человѣка совершенно свободна. (Мазикъ долго смотритъ на него).

Ципеню. Вы понимаете, о чемъ они говорятъ? Они говорятъ на колдовскомъ языкѣ. Я пойду лучше къ дѣдушкѣ; онъ, бѣдный, ушелъ отсюда, какъ будто его высѣкли (уходитъ).

Мазикъ. Вы говорите, что воля человѣка свободна? Э... попробуйте эту сигару. Великолѣпная сигара, говорю вамъ.

Гершеле. Я знаю!.. ну, дайте я попробую (закуриваетъ).

Мазикъ. Свободную волю, говорите вы. Да мы же видимъ, какъ можно имѣть свободную

волю, когда она взнуздана и закована. То, чего вы хотите—вы себѣ не можете позволить, то что вамъ нравится—не разрѣшается, то, чего вы желаете—запрещается обычаемъ, законами, привычками. Фальшивые взгляды, глупыя привычки! Нѣтъ, разъ существуютъ «можно и нельзя»—человѣческая воля должна быть закрѣпощена. Но мы слишкомъ далеко заходимъ въ дебри, а я долженъ говорить съ вами о дѣлѣ.

Гершеле. Песе, потрудись, пожалуйста, мы тутъ должны поговорить... (Дѣлаетъ знакъ, чтобы она вышла).

Песеню. Когда то, когда ты, бывало, писалъ Тору, я могла сидѣть подлѣ тебя, вязать чулокъ, смотрѣть и радоваться на тебя. А теперь?.. Ну, пусть будетъ такъ (уходитъ).

Гершеле. Ой, она мнѣ напомнила—я все собираюсь начать писать Тору, которую я обѣщалъ пожертвовать—и никакъ не могу найти свободнаго времени.

Мазикъ. Вы, навѣрное, потомъ найдете время. Ребъ Гершеле, я буду съ вами говорить объ очень важномъ дѣлѣ. У меня есть планъ...

Гершеле. Охъ эти дѣла... Я боюсь ихъ... Не даромъ наши мудрецы сказали, что торговля это грабежъ. Крррр... (Кашляетъ отъ сигары и бросаетъ ее). Фи!...

Мазикъ. Быть можетъ, когда то торговля была грабежомъ; теперь же это свободная конкурренція. Вы ни у кого ничего не берете насильно. Вы хотите рисковать своими деньгами и предпринять что нибудь, — предпринимайте. Другой хочетъ сдѣлать тоже самое—никто ему не запрещаетъ. Имѣешь умъ—заработаешь, не имѣешь — сломаешь голову... Послушайте, я думаю, что мы должны перестать давать деньги на проценты. Во первыхъ, вы набожный еврей—и вамъ это вовсе не идетъ. Правда, мы даемъ деньги по обязательству, въ которомъ пишемъ, что проценты, которые мы беремъ—не суть проценты. Зачѣмъ вамъ обманывать Бога такой штукой? Но это меня бы очень мало трогало: бѣда большая,—обманывайте Его, если Онъ дается...

Гершеле. Ой, ребъ Уріэль, вы лютый грѣшникъ. Подождите, Богъ вамъ за все заплатитъ съ процентами, и безъ обязательствъ... Ха-ха-ха...

Мазикъ. Во-вторыхъ, въ такомъ маленкомъ мѣстечкѣ наши проценнтыя операціи не смогутъ вырости въ большое банковское дѣло. Мы всегда будемъ имѣть бѣдныхъ кліентовъ съ маленькими ссудами. Бѣдняки годятся совсѣмъ для другого—просто для работы, а не для процентовъ.

Гершеле. Ребъ Уріель, я знаю только одно: что бы мы ни дѣлали съ деньгами—это не то, что писать Торы... Когда я, бывало, писалъ Тору, я зналъ, что отъ этого я богачемъ не сдѣлаюсь, но я чувствовалъ себя счастливымъ, сознавая, что дѣлаю святую работу. Какъ видно, наслажденіе заключается не въ томъ именно, что мы дѣлаемъ, а въ той цѣли, къ которой мы стремимся. Въ чемъ цѣль богатства?

Мазикъ. Ахъ, перестаньте философствовать, будьте практичнымъ человѣкомъ и стремитесь къ практическимъ цѣлямъ...

Гершеле. Но если я не знаю, зачѣмъ мнѣ все это?

Мазикъ. Дорогой другъ, скажите мнѣ, хотѣли бы вы опять сдѣлаться бѣднякомъ, валяться въ темной, холодной комнатѣ, ходить голымъ и босымъ, и ѣсть картошку съ хлѣбомъ?

Гершеле. Говоря правду—нѣтъ. Но если я сытъ и одѣтъ, зачѣмъ мнѣ стремиться къ еще большему богатству? Развѣ я смогу ѣсть пять обѣдовъ и носить семь сюртуковъ?

Мазикъ. Зачѣмъ? Чѣмъ богаче вы будете—тѣмъ вы будете свободнѣе, сильнѣе, умнѣй. Къ вамъ будутъ относиться съ большимъ уваженіемъ, у васъ будетъ больше удовольствій, вы сможете осчастливить себя и вашихъ дѣтей послѣ себя. Да, да, у васъ еще могутъ быть дѣти, вы еще молоды, вы полны жизни и силы.

Гершеле. Дѣти? Ой, не говорите мнѣ объ этомъ, прошу васъ! Это вызываетъ во мнѣ ужасныя, грѣшныя мысли.

Мазикъ. Человѣкъ, у котораго есть энергія—не пугается. Онъ всегда достигаетъ того, къ чему стремится. Слабый человѣкъ грѣшитъ каждую минуту своими мыслями. Сильный же—дѣлаетъ все однимъ ударомъ. Если это грѣхъ, такъ онъ согрѣшилъ одинъ разъ. Развѣ лучше тысячу разъ грѣшить мыслями, чѣмъ одинъ разъ дѣломъ? А! Не будьте ханжей...

Гершеле. Это правда. Господь вѣдь знаетъ, что я хочу грѣшить и что я уже грѣшу

въ своихъ мысляхъ. Только мы страшимся людей, и поэтому мы всегда лживы и скрытны.

Мазикъ. Но, ребъ Гершеле, выслушайте мой планъ. Тутъ рѣчь идетъ о святой работѣ. Милліонамъ евреевъ еще пока нужны талесы. Здѣсь, въ мѣстечкѣ, талесы производятъ мелкіе предприниматели, или сами работники, ткачи. Мы откроемъ тутъ фабрику талесовъ съ паровыми машинами и со всѣми махинаціями. Мелкіе предприниматели должны будутъ намъ уступить дорогу, а работники пойдутъ съ радостью работать къ намъ. Вы обдумайте только, что вы сдѣлаете: вы займетесь святымъ дѣломъ, вы дадите работу сотнямъ бѣдняковъ, вы все мѣстечко наполните торговлей и заработками... Набожные евреи будутъ имѣть хорошіе талесы, и дешево... потому что намъ вѣдь это будетъ выгодно...

Гершеле. Вотъ видите—это мнѣ нравится. Это хорошій планъ. Дѣло, которое хорошо и полезно для всѣхъ—это мнѣ нравится. Ребъ Уріель, у васъ хорошая голова, и я думаю, что лучшаго совѣтника, мнѣ Богъ не могъ послать. Да, Всевышній Богъ, этотъ планъ мнѣ нравится (вздыхаетъ).

Мазикъ. Этотъ планъ вамъ нравится; совѣтникъ вамъ, слава Богу, тоже нравится; а все таки вы что то печальны. Ребъ Гершеле, у васъ есть какое то горе. Я чувствую, вы носите въ сердцѣ какое то скрытое страданіе. (Вдругъ слышенъ голосъ Фрейденю; она поетъ Давидовъ псаломъ. Они умолкаютъ, Мазикъ наблюдаетъ Гершеле).

Гершеле. Ребъ Уріель, вы умный человѣкъ, и вы мнѣ, навѣрное, не врагъ. Я боюсь положиться на самого себя въ такомъ дѣлѣ. Это не шуточное дѣло и... и... я вамъ скажу правду: если я грѣшу часто въ своихъ мысляхъ, если я ношу въ своемъ сердцѣ страданіе—вы въ этомъ тоже немного виноваты.

Мазикъ. Я? Богъ съ вами!..

Гершеле. Давно уже... когда вы въ первый вечеръ были у насъ, вы сказали, что... что... Фрейденю... племянница моей жены... что...

Мазикъ. Что я могъ сказать о Фрейденю? (иронически). Я сказалъ, что она красива, какъ роза въ маѣ мѣсяцѣ? раздражающа, какъ лучи солнца? что ея глаза, какъ свѣтящіяся звѣзды? ея голосъ, какъ музыка ангеловъ? ея зубы то-

чены изъ перламутра? ея губы, какъ два красныхъ рубина? ея шея выточена изъ мрамора? Но что я такое сказалъ?

Гершеле. Обѣ онѣ выросли у меня въ домѣ, но она мнѣ всегда была милѣе. Однимъ вашимъ словомъ, вы извергли мысль, которая была глубоко зарыта и о которой я прежде не имѣлъ ни времени, ни смѣлости подумать. Теперь, я хочу эту мысль опять зарыть, но она твердо держится въ моемъ мозгу. Я гоню ее отъ себя, а она меня не оставляетъ. Боже мой, я не знаю, что дѣлать!

Мазикъ. Богъ создалъ жизнь человѣка полною радости и счастья. Человѣкъ долженъ дѣлать только одно—жить и наслаждаться. Одинъ только разъ живетъ человѣкъ на свѣтѣ. Ребъ Гершеле, время не стоитъ, годы летятъ, молодость уходитъ...

Гершеле. Что это вы говорите? Это не рѣчи еврея, это не мысли еврея. Оставьте меня! (Мазикъ держитъ его). Оставьте меня!.. Вы хотите отравить меня вашими грѣшными мыслями, вы хотите уничтожить во мнѣ послѣднюю искру еврейства! Оставьте меня!

Мазикъ. Шш... Зачѣмъ вы такъ шумите? Дѣлайте, какъ знаете. Я только говорю вамъ, что есть чувства, которыя живутъ въ евреѣ, какъ и въ каждомъ человѣкѣ. Наоборотъ, если вы на самомъ дѣлѣ набожный, благочестивый еврей, какъ же вы живете съ бездѣтной женой больше десяти лѣтъ? Развѣ вы не знаете, что это считается такимъ же грѣхомъ, какой совершилъ Бенъ Іегуда, и, возможно, что вы за это достойны смерти... И вообще, что такое, въ самомъ дѣлѣ, жизнь человѣка безъ дѣтей? Зачѣмъ самому отнимать у себя высшую радость, высшее счастье? У васъ есть теперь достаточно способовъ обезпечить свою жену до самой смерти. Она сможетъ жить лучше, чѣмъ ей когда-либо снилось. Хотите меня послушать? Не думайте, безъ всякихъ колебаній: сказано и сдѣлано. У насъ, евреевъ, каждый день случаются такія вещи. Старые, сѣдые старики разводятся со своими старухами и берутъ молодыхъ дѣвушекъ. Вы еще молодой человѣкъ. О! вы слишкомъ много думаете о каждой глупости и поэтому не имѣете рѣшимости что-нибудь сдѣлать! (Фрейденю поетъ) А!

Она идетъ сюда! Ахъ! что вы скажете, я забылъ заперетъ кассу (уходитъ).

Гершеле. Подождите, ребъ Уріель! Останьтесь! Именно теперь, послѣ этихъ словъ остаться съ ней наединѣ, когда вся кровь кипитъ, а мысли мѣшаются. Какъ онъ разсуждаетъ—это кажется правильно; по закону, значитъ, я тоже правъ; но все-таки я чувствую, что меня не слѣдуетъ похвалить за это! Должно быть это не совсѣмъ свято. Не нужно долго думать, говоритъ онъ,—сказано и сдѣлано. (Садится у столика, гдѣ лежитъ скрипка). Господи, я боюсь, я боюсь, я боюсь! (Онъ сжимаетъ руки и дрожитъ. Входитъ Фрейденю).

Фрейденю. Дядя, что съ вами? (онъ закрываетъ лицо). Вамъ дурно, не дай Богъ? (Хочетъ взять его руку, онъ не пускаетъ). Вы сердитесь на меня?

Гершеле. Да, я сержусь, только не на тебя. Нѣтъ, на себя. Я сержусь на то, что я въ послѣднее время постепенно становлюсь другимъ... Фрейденю... я боюсь... я уже больше не Гершеле Дубровнеръ...

Фрейденю. Я вижу, я чувствую и понимаю, что человѣкъ, который теперь со мной говоритъ —ребъ Гершеле Дубровнеръ и никто другой.

Гершеле. Фрейденю, ты умная, ты хорошая, ты святое дитя, и я знаю, тебѣ можно сказать всю правду. Слушай!.. Я живу съ тетей вотъ уже больше двадцати лѣтъ, и у насъ нѣтъ дѣтей. (Очень возбужденно). Да, у насъ нѣтъ дѣтей! Я ничего противъ нея не имѣю, она набожная, благочестивая еврейка, и никогда она меня не огорчала, но... но... ты понимаешь, набожному еврею нельзя жить съ бездѣтной женой. Еврей долженъ жениться только ради дѣтей; не то совсѣмъ нельзя жениться... И... вообще... я хочу имѣть ребенка. Хоть одного ребенка! Ой, Боже мой, если бы я хоть имѣлъ одного сына... Да, Фрейденю, какъ видно, я долженъ буду развестись съ тетей.

Фрейденю. Бѣдная, несчастная тетенька! Сердце мое болитъ за нее.

Гершеле. Да, ее страшно жалко, но... она вѣдь благочестивая еврейка и она, навѣрное покорится тому, чего требуетъ еврейскій законъ! Слушай Фрейденю... я хотѣлъ тебя спросить... а...а представь себѣ, что я уже съ ней развелся, и...

Фрейденю. Вы не должны больше говорить. Если бы я была лживой, я бы притворилась, что ничего не понимаю. Я не хочу лгать, дядя. Недаромъ меня какъ громомъ поразило... тогда, въ праздникъ Ханука... вы помните, когда ребъ Уріель сказалъ... Недаромъ трепещу я каждый разъ, когда вы на меня взглянете... Но не забывайте, она мнѣ вторая мать... и пусть меня Богъ накажетъ, если я хочу причинить ей зло...

Гершеле. Дитя, у кого хватитъ духу причинить ей зло? Если она, не захочетъ развестись... по доброй волѣ, я не буду ее... принуждать, Боже сохрани. Но... если да... и... и... если она сама не захочетъ, чтобы другая... чужая... заняла ея мѣсто здѣсь... такъ ты... (дрожитъ всѣмъ тѣломъ), такъ... ты думаешь... что... Ой, Фрейденю, какъ тяжело говорить о такихъ вещахъ... (оба долго молчатъ). Ты молчишь?

Фрейденю. Дядя, вы сами чувствуете и знаете, что я могу отвѣтить. Говорить совсѣмъ не нужно.

Гершеле. О, Фрейденю, не забывай, ты молодое дитя,—а мнѣ сорокъ два года.

Фрейденю. Что вы говорите! Въ моихъ глазахъ молодой мужчина рядомъ съ вами кажется глупымъ ребенкомъ. Когда вы говорите—кажется будто пророкъ говоритъ, а когда вы дѣлаете что-нибудь, то какъ благородный, необыкновенный человѣкъ... Дядя, когда вы берете свою скрипку, и ваши глаза одухотворяются, и ваше лицо озаряется небеснымъ свѣтомъ, какъ будто васъ осѣняетъ самъ Господь, тогда... тогда... мнѣ кажется, что мое сердце, моя душа, моя жизнь больше мнѣ не принадлежатъ, и я думаю, какъ была бы я счастлива, еслибъ я могла до смерти оставаться въ домѣ, гдѣ находитесь вы... Если бы я могла остаться у вашихъ ногъ (опускается съ благовѣйнымъ чувствомъ къ его ногамъ. Гершеле взглядываетъ на нее, беретъ скрипку и играетъ псаломъ Давида. Она смотритъ на него и тихо вторитъ словами. Когда она говоритъ: «Если даже пойду долиной тьмы»... входитъ Мазикъ и останавливается, никѣмъ незамѣчаемый. Послѣ игры оба долго молчатъ).

Фрейденю (глухимъ голосомъ). Дядя... мнѣ кажется... что я васъ люблю...

Гершеле. Но... если... не дай Богъ... если... Фрейденю, мы грѣшимъ противъ Бога...?

Фрейденю. Я не знаю... быть можетъ... только мнѣ кажется, что я васъ очень люблю...

Гершеле. Дитя... Фрейденю... быть можетъ мы даже не смѣемъ думать объ этомъ... Можетъ быть это несчастье...

Фрейденю. Я ничего не знаю, дядя... я говорю правду... я люблю васъ...

Гершеле. (внѣ себя). Ой Богъ, Великій Богъ... Если это только навожденіе сатаны, помоги мнѣ. Не оставляй меня, Боже. Я никогда въ жизни не чувствовалъ того, что я чувствую теперь... Я, не дай Богъ, съ ума сойду. Я, не дай Богъ, забуду, что я еврей, что я человѣкъ, что есть святые законы, что есть Господь Всемогущій... Ой... я...

Мазикъ. Ребъ Гершеле, я васъ хотѣлъ спросить... (Фрейденю безсознательно, какъ бы просыпаясь, поднимается и тихо уходитъ).

Гершеле. Да, ребъ Уріель, вы правы, если хочешь что-нибудь сдѣлать, не надо долго думать. Потому что, чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше грѣшишь. (Ципеню вбѣгаетъ изъ средней двери).

Ципеню. Только музыкантовъ не хватаетъ, а то тутъ настоящая свадьба. Ха! ха! ха!... Смотрите, женихъ идетъ... (Появляется Песеню).

Песеню (въ дверяхъ). Войдите, войдите Гершеле здѣсь. (Хацкель, Добе и Мотеле входятъ).

Всѣ. Богъ въ помощь... Богъ въ помощь... (Мазикъ беретъ бумаги и садится писать).

Песеню. Садитесь, садитесь. Теперь вѣдь такая радость, когда увидишь человѣка въ домѣ... Одну минуту... Я сейчасъ же принесу варенья, пряниковъ и закусокъ...

Ципеню. Смотрите, у Мотеле новый кафтанъ... Фью... (свиститъ).

Добе. Баловница, нельзя свистѣть въ комнатѣ—чертей сзываютъ, не здѣсь сказано...

Мотеле. Она сама чертенокъ.

Хацкель. Что ты подѣлываешь, ребъ Гершеле? Ты такъ выглядишь, какъ будто тебѣ не хватаетъ чего-то?

Мазикъ (сидитъ у стола и пишетъ). Каждому человѣку чего-нибудь не хватаетъ. Тотъ, кому больше ничего не нужно, — тотъ не человѣкъ.

Хацкель. Извини, пожайлуста, у тебя, быть-можетъ, теперь нѣтъ времени? Я пришелъ по-

говорить съ тобой о двухъ дѣлахъ. Ребъ Гершеле, мы старые добрые друзья и съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ Богъ помогъ, и ты поднялся...

Добе. Невроко, избави Богъ отъ дурного глаза, чорту на зло (сплевываетъ).

Хацкель. Я постоянно полагалъ, что когда ты имѣешь, то это все равно, что я имѣю. Но, когда мнѣ не нужно было,—я не просилъ...

Гершеле. Ты правъ, Хацкель. Только не забывай, у меня есть компаньонъ; онъ тоже имѣетъ голосъ. (Мазикъ идетъ взять бумагу. Лейзеръ тихо входитъ, пугается и озирается).

Хацкель. Я простой человѣкъ, только я тебѣ долженъ сказать: по моему разумѣнію, это не такъ ужъ хорошо, что Мазикъ у тебя компаньонъ въ деньгахъ и имѣетъ у тебя такое значеніе.

Добе. Ой, что ты скажешь? У меня что-то чешется носъ. Это знакъ, что мы, не дай Богъ, будемъ ссориться. (Мазикъ идетъ къ Мотеле).

Мазикъ. Мотеле, что это, вы носите сережку, какъ женщина?

Мотеле. Да, я ношу сережку, только не какъ женщина, а какъ мужчина... (Ципеню смѣется).

Добе. Ой, чтобы вы долго жили, вы знаете развѣ, какая это сережка? Это собрали семь кусочковъ серебра у семи супруговъ, которые имѣютъ семь тещъ и семь тестей, семь матерей и семь отцовъ. Онъ у насъ единственный, а эта сережка талисманъ. Пока онъ ее носитъ, дьяволъ, не здѣсь сказано, не можетъ стать у него на пути.

Мазикъ. (Осматривая сережку). Та-а-къ? Это удивительно. (Садится на прежнее мѣсто).

Гершеле (садясь на свое мѣсто). Ну, Хацкель, я послушаю, что ты хотѣлъ сказать?

Хацкель. Я тебѣ скажу безъ всякихъ предисловій. Мы теперь дѣлаемъ талесы: я и мой Мотеле. Мы хорошіе ткачи, и если мы дѣлаемъ работу, такъ мы ее дѣлаемъ хорошо...

Добе. Ой, какой онъ работникъ, чтобъ ему дурной глазъ не повредилъ. (тихо). Онъ не знаетъ, что я даю ему каждое утро пить воду, вареную съ головками пастернака и шелухой чеснока. Это очень полезно для здоровья...

Хацкель. Хозяева, у которыхъ мы работаемъ—разбойники и злодѣи... Они говорятъ, что та-

лесы должны дѣлать набожные, благочестивые евреи, а сами они безчестные, грабители. Самъ онъ воръ, а хочетъ, чтобы работникъ былъ праведникомъ. Такъ мы придумали—нѣсколько ткачей, я и мой Мотеле — мы хотимъ устроить товарищество. Берль Лаптихъ тоже съ нами. Онъ знаетъ такой сортъ крахмала, что даже простые талесы кажутся шелковыми, какъ антикъ-море. Такъ съ полосами... Вотъ я пришелъ, чтобы ты далъ намъ денегъ. Т. е. это будетъ означать, ты одалживаешь намъ.

Гершеле. Да, почему нѣтъ? (взглядываетъ на Мазика и смущается, какъ Лейзеръ). Я бы тебѣ, навѣрное, помогъ, только, ты понимаешь, тебѣ все это теперь вовсе не нужно. Мы въ скоромъ времени открываемъ тутъ, съ Божьей помощью, фабрику талесовъ, и вы всѣ будете обезпечены. Всѣ.

Хацкель. Такъ? Ну, знаешь что? Будемъ всѣ въ компаніи, въ товариществѣ.

Гершеле. Ты увидишь, все мѣстечко будетъ какъ-бы въ товариществѣ съ нами. Никто не будетъ нуждаться ни въ работѣ, ни въ заработкѣ.

Хацкель. Та-акъ... Значитъ это не выгорѣло... Ну, ну, мы уже посмотримъ... Теперь о второмъ дѣлѣ. Я хотѣлъ тебя спросить, ребъ Гершеле, что слышно съ нашимъ сватовствомъ? Фрейденю и невѣста, и не невѣста. Это сватовство что-то ни бе, ни ме... Я не понимаю, зачѣмъ еще оттягивать и откладывать? И Мотеле, и Фрейденю уже могутъ идти...

Добе. Невроко, избави Богъ отъ дурного глаза...

Хацкель. Къ вѣнцу...

Лейзеръ (поетъ). Благославенъ Ты, Господь Адонай, освящающій народъ свой Израилевъ брачными обрядами...

Гершеле. Отецъ... (Лейзеръ смущается и прячется въ свой уголъ).

Мазикъ (идетъ къ Гершеле). Вы видите, счетъ вѣренъ. (Тихо). Ребъ Гершеле, если вы ужъ начали — не останавливайтесь на полъ-дорогѣ... Помните мой совѣтъ: сказано и сдѣлано (садится снова).

Гершеле. Да, ребъ Хацкель, ты правъ (волнуется). Объ этомъ ужъ дѣйствительно пора поговорить. Но я хочу раньше... чтобы раньше

услышали... что она... что Фрейденю сама скажетъ... (Песеню входитъ съ подносомъ, на немъ закуски и салфетки).

Песеню. Вы видите... не сглазить бы... (беретъ салфетку). Только вотъ эти вещи, я не знаю, нужны ли онѣ до ѣды или послѣ?... (ставитъ на столъ).

Ципеню. Вотъ я сейчасъ позову Фрейденю. Конецъ!.. Старшую сестру сбыть съ рукъ, такъ и младшая тоже сможетъ надѣяться... Ха-ха-ха.. (уходитъ направо Гершеле все время волнуется).

Песеню. Что съ тобой Гершеле? Смотрите, какъ у него дрожатъ руки, какъ будто онъ, не дай Богъ, хочетъ кого-нибудь погубить. Добе, закусите, это сдѣлано на однихъ яичныхъ бѣлкахъ.

Добе. Невроко, удачно у васъ... Вотъ, вотъ... Мы сдѣлаемся скоро настоящими родственниками... (Цѣлуется съ Песеню. Фрейденю и Ципеню входятъ).

Гершеле. Фрейденю, я тебя хотѣлъ спросить... то-есть не я, ребъ Хацкель... онъ хочетъ знать, что слышно насчетъ свадьбы...

Хацкель. Я тебѣ скажу, какъ простой человѣкъ. Ты что-то очень церемонишься... Я знаю... быть можетъ тебѣ теперь не нравится вся эта исторія. Ты теперь изъ богачей, а Мотеле—сынъ Хацкеля Драхме...

Фрейденю. Ребъ Хацкель. Я вамъ скажу правду. Обрученія вѣдь у насъ не было, но если я раньше молчала, то не оттого, что Мотеле мнѣ нравился... я думала, что это должно такъ быть... а теперь... не сердитесь на меня... я не могу...

Добе. Мотеле тоже не умиралъ по тебѣ. Тебя онъ боится, а Ципеню нѣтъ. Хацкель, ты видишь? Я тебѣ говорила: я видѣла во снѣ черную кошку. Вотъ тебѣ!

Песеню. Фрейденю, ты не хочешь? Что это значитъ? Почему?

Лейзеръ (изъ угла). Она хочетъ лучше остаться дома, въ родныхъ рукахъ.

Гершеле (сердито). Отецъ, хочешь сидѣть какъ человѣкъ, такъ сиди, а нѣтъ—то я тебя попрошу потрудиться...

Ципеню. Та-акъ. Ей не пристойно! Настоящей принцессой сдѣлалась! Скажи сама, тетенька, развѣ не жаль Мотеле?

Мотеле. Не думайте, что я буду очень горевать. Я думаю, что очень скверно имѣть жену, передъ которой нужно стѣсняться.

Ципеню. Еще-бы, передъ ней нужно стѣсняться. Она вѣдь не изъ нашей семьи.

Фрейденю. Я прошу васъ, не мучьте меня напрасно!..

Ципеню. Я думаю, что можно имѣть дядю-богача и быть снохой Хацкеля Драхме—вовсе не стыдно...

Песеню. Фрейденю, если это потому, что Всевышній Богъ помогъ дядѣ и ты гордишься, то это очень большой грѣхъ.

Добе. Помнишь, Мотеле, когда мы шли сюда, мы встрѣтили мужика съ пустыми ведрами. Видишь? Она еще не хочетъ.

Хацкель. Мой Мотеле у меня, не дай Богъ, не заваль, не бракъ... Ничего... Она не хочетъ... вѣроятно, она знаетъ почему...

Гершеле. Я вамъ объясню почему... Выслушайте, мы тутъ всѣ родные, какъ бы одна семья! Если Фрейденю не хочетъ, быть можетъ захочетъ Ципеню. Вы можете мнѣ вѣрить, она получитъ приданое и подарки, какъ хозяйская дочь. Но я хочу говорить теперь съ вами совершенно о другомъ. Не о дѣтяхъ... Я хочу говорить о себѣ, то-есть о себѣ и о Песеню. Въ мѣсяцѣ Элулѣ минуло двадцать два года со дня нашей свадьбы и, какъ вы знаете, Господь нашего брака не благословилъ дѣтьми... Для чего живетъ человѣкъ, если не ради дѣтей?

Песеню. Да, это такъ. Женщины этому часто удивлялись: такой набожный еврей, какъ Гершеле, чтобы жилъ столько лѣтъ съ бездѣтной женой. Я же имъ всегда говорила: мой Гершеле совсѣмъ другой человѣкъ, и эти двѣ сиротки, что у насъ дома—это наши дѣти... (Фрейденю плачетъ). Да, Фрейденю, Гершеле правъ. Зачѣмъ жить человѣку, если у него нѣтъ дѣтей... Вы обѣ—наши дѣти, и мы живемъ только ради васъ (цѣлуетъ Фрейденю).

Гершеле. Ты меня не поняла... Песеню... не это я думаю... Я думаю... я хочу имѣть собственныхъ дѣтей.

Хацкель (тихо). Онъ хочетъ имѣть собственныхъ дѣтей. По моему разумѣнію это значитъ—онъ хочетъ имѣть другую жену...

Всѣ. Что такое?

Лейзеръ. Глазъ бадхена это давно замѣтилъ...

Гершеле. Да, Песеню, если я для тебя что-нибудь значу—не сердись на меня. Если можешь, не осуждай меня. Я хочу... чтобы мы развелись.

Песеню. Развелись!? Что значитъ? Гершеле, ты вѣдь никогда не говорилъ объ этомъ!

Гершеле. Я не говорилъ, но я давно объ этомъ думаю...

Песеню. Развестись! Ой, горе мнѣ, горе мнѣ (рыдаетъ, всѣ женщины утираютъ слезы).

Гершеле. Если ты не хочешь, то я не буду, избави Богъ, принуждать тебя... Ты остаешься здѣсь въ домѣ, какъ прежде, и никто не посмѣетъ тебя обидѣть. А я! Я это перенесу со смиреніемъ... Что можно сдѣлать? Вѣдь человѣкъ не можетъ быть счастливъ во всемъ...

Песеню. Нѣтъ, Гершеле, я знаю, ты честный еврей и благородный человѣкъ. Если ты находишь, что мы должны развестись—что дѣлать? Вѣроятно, это рокъ небесный... Разведемся, ой, горе мнѣ!.. (рыдаетъ).

Хацкель (тихо). По моему простому разумѣнію, почему этотъ рокъ небесный не пришелъ раньше денегъ?

Добе. Ой, милая Песеню, я вамъ говорила всегда: при благословеніи мѣсяца произносите молитву нашей праматери Рахили... Она, бѣдная, тоже была бездѣтной...

Песеню. Развѣ могутъ теперь помочь слова... Гершеле знаетъ, навѣрное, что онъ дѣлаетъ. Ой! Милосердный Господь въ небесахъ. Такой кары я никогда не ждала. Но если нѣтъ средства, то вѣдь нельзя-жъ помочь...

Фрейденю (бросается къ ней на шею). Нѣтъ, тетя, есть средство... Если Мотеле ничего не имѣетъ противъ меня, я даже сейчасъ выйду замужъ... я... (не можетъ говорить отъ слезъ).

Мотеле. Я не хочу, чтобы мной бросались. То да, то нѣтъ. Правду говоря, вы слишкомъ важны для меня!.. Вы мнѣ не ровня... Ципеню другое дѣло...

Гершеле. Песеню, чего же ты такъ плачешь?

Песеню. Немножко поплакать... Богъ не накажетъ меня за эти слезы...

Фрейденю. Тетя, дорогая тетя, я не виновата...

Песеню. Глупенькая, чѣмъ можешь быть виноватой ты? Дитя мое, если Богомъ суждено, чтобы мы развелись, то нельзя вѣдь насильно жить вмѣстѣ... (взглянувъ на нее). Какъ? Ты? А! Ты это думаешь? Значитъ—ты? А я, старая, не поняла этого... Ну, Фрейденю... чѣмъ чтобы чужая заняла мое мѣсто здѣсь, ужъ лучше ты, которую я почти роднымъ ребенкомъ считала... Пусть Богъ тебѣ дастъ счастья. Такіе мужья, какъ Гершеле, не часто встрѣчаются... двадцать два года жили мы вмѣстѣ и ни одного плохого слова я отъ него не слыхала. Не плачь, глупенькая... Я буду жить у Ципеню, но тебя я тоже не забуду... и... Фрейденю, если Господь благословитъ тебя дѣтьми, то я буду няньчить ихъ... какъ родныхъ... какъ моихъ внучатъ... Если я не могу быть матерью, то я хоть буду бабушкой... (рыдаютъ другъ у друга въ объятіяхъ).

Гершеле. Какъ можно идти своей дорогой, если на каждомъ шагу приходится давить кого-нибудь? Какъ можно отдѣлить себѣ самому кусочекъ счастья, если его нужно рвать съ мясомъ и кровью? Нѣтъ! Я боюсь, онъ лжетъ со всей своей философіей! Счастливымъ я никогда не смогу быть... (Горько плачетъ). Песеню, не сердись на меня. Я не достоинъ твоихъ святыхъ слезъ... Я гораздо хуже, чѣмъ ты меня считала... Я знаю, я чувствую, какъ тебѣ тяжело теперь... Ой, Песеню, Песеню, Песеню!.. (Всѣ плачутъ. Мазикъ иронически наблюдаетъ Гершеле).

Занавѣсъ.

3-й АКТЪ.

Роскошный залъ у Гершеле. Цвѣты, портьеры. Ночь. Комната освѣщена лампами. Въ углу, среди цвѣтовъ, большая желѣзная касса, у которой сидитъ Мазикъ и считаетъ большія пачки денегъ. Лейзеръ нетерпѣливо ходитъ по комнатѣ.

Лейзеръ. Удивительно! Хоть разорвись, нѣту! Еще разъ: ахме, бахме, гахме, дахме (кричитъ въ дверь). Ну, живѣй тамъ! Ты слышалъ, что приказалъ ребъ Уріель? (слуга-еврей вноситъ бутылку вина и два стакана). На чемъ я остановился? Вахме, захме...

Мазикъ (наливаетъ въ стаканы вина). Вы выпьете? Я васъ люблю, когда вы пьяны...

Лейзеръ. Я выпью-ль вина? Вотъ тебѣ на! Вотъ такъ вопросъ! (выпиваетъ полный стаканъ). Ребъ Уріель... шш... Я уже два дня мучаюсь, чтобы найти риѳму къ имени Хацкель Драхме и, хоть разорвись! Я иду по азбукѣ: а-ахме, б-бахме, г-гахме, д-дахме — нѣту! Будемъ здоровы, лехаимъ! (пьетъ).

Мазикъ. Да, у Хацкеля Драхме не риѳмуется, ха-ха-ха!.. Садитесь, ребъ Лейзеръ, будемъ съ вами пить и толковать (садятся. Мазикъ пьетъ медленно и понемногу). Сколько вамъ лѣтъ?

Лейзеръ (пьетъ). Мнѣ уже перекатило за семьдесятъ. Ребъ Уріель, я васъ хотѣлъ спросить, когда долженъ Гершеле пріѣхать?

Мазикъ. Возможно, что сегодня или черезъ нѣсколько дней. Вы скучаете по немъ, а онъ, должно быть, скучаетъ по своей молодой женушкѣ.

Лейзеръ. Пусть Богъ пошлетъ мнѣ болячки, если я по немъ скучаю. Я чувствую себя тутъ, какъ дома только тогда, когда его дома нѣтъ. Будемъ здоровы, лехаимъ (пьетъ). Удивительно! я перещупалъ всю азбуку, п-пахме, с-сахме, т-тахме...

Мазикъ (пьетъ, задумчиво). Вотъ, это—человѣкъ! Созданъ по образу Бога, прожилъ больше семидесяти лѣтъ, и что онъ? для чего онъ жилъ? что онъ сдѣлалъ? чѣмъ онъ выше животнаго? Ха-ха-ха! Ходитъ и ломаетъ себѣ голову надъ риѳмами: ахме, бахме, гахме. Почти всегда вотъ такъ ломаютъ себѣ всю жизнь люди головы надъ риѳмами, и вдругъ приходитъ ангелъ смерти и говоритъ: богоподобный бадхенъ, довольно, будетъ балагурить. Пейте, ребъ Лейзеръ. И потянулся другъ мой... Ха-ха-ха!..

Лейзеръ (пьетъ). Вы смѣетесь надъ моей риѳмой? Дайте сюда ваше ухо, я вамъ скажу по секрету... шш... вы извините меня, вы меламедъ... Примѣрно, когда у ребенка болитъ животикъ, ему даютъ игрушку. Что вы думаете, отъ этой игрушки проходитъ боль? Ничего подобнаго! Но что-же? Ребенокъ увлекается игрушкой и забываетъ на минуту о томъ, что творится въ животикѣ. Мой другъ, ребъ Уріель, у каждаго человѣка болитъ животикъ. Вы ученый человѣкъ, такъ вы забавляетесь важной игрушкой;

другой забавляется чѣмъ-нибудь другимъ; я забавляюсь риѳмой. Но это только потому, что животикъ болитъ (пьетъ). И потянулся другъ мой къ фляжкѣ, налить себѣ немного бражки (пьетъ).

Мазикъ. Животикъ болитъ. Ха-ха-ха! Это недурно.

Лейзеръ. Вы спрашиваете, чѣмъ Лейзеръ бадхенъ выше животнаго? Ха, Лейзеръ бадхенъ животнымъ можетъ быть, но животное не можетъ сдѣлаться Лейзеромъ бадхеномъ... Это надо умѣть. Вы хотите немного послушать? Примѣрно: моего сына зовутъ Цви-Эршъ; цви состоитъ изъ буквъ: ц, в, и. Это значитъ по древне-еврейски «цадикъ беемуносой ихье», что означаетъ: «праведникъ живъ своей вѣрой». Хотите наоборотъ, такъ это означитъ: «чертъ бери его». А если вы хотите, то имя моего сына означаетъ, что Богъ сотворилъ десять мѣръ словъ: потому что мѣра, по древне-еврейски, называется «кавъ»,—состоящее изъ буквъ к, в. Буквы эти, какъ числа, составляютъ сто два: к—сто и в—два; буквы имени «цви», если ихъ сложить, тоже составляютъ сто два. А имя Эршъ, если буквы его переставить, то можно составить слово «асуру»—значитъ «асуру кавъ», десять мѣръ. Или, напримѣръ, ваше имя Уріель: а—одинъ, в — шесть, р — двѣсти, и — десять, а — одинъ, л—тридцать, а всего это составляетъ двѣсти сорокъ восемь. По талмуду же двѣсти сорокъ восемь — число органовъ въ человѣческомъ организмѣ, которое обозначается словомъ «ремахъ». Если хотите—читайте слово «ремахъ» наоборотъ, получите «хамойръ», что значитъ оселъ, или читайте «мухоръ» — завтра, послѣ холоднаго кугеля. А если хотите, можно читать «рахеймъ»—милосердіе. Не долго думая, я изъ буквъ вашего имени «Уріель» дѣлаю слѣдующія слова: «эйли-ойръ»—мой Богъ—свѣтъ; іоэйръ ли: Онъ мнѣ будетъ свѣтить; «лой иру» — они не увидятъ. А по русски изъ слова «Уріель» можно сдѣлать «въ рыло»,—въ морду, значитъ. Ха! А если это вамъ мало, то буквы вашего второго имени «Мазикъ», значатъ: м-мошенникъ, з-жуликъ, и-ябедникъ, к-каторжникъ, хи-хи-хи. Вы спрашиваете, что такое Лейзеръ бадхенъ? Онъ человѣкъ съ душой, какъ всѣ люди. Онъ еврей, а еврей имѣетъ хорошую голову и умъ. Вы—мудрецъ, если

смѣетесь, когда вамъ весело и плачете, когда вамъ грустно. Я бо́льшій артистъ, чѣмъ вы! Я смѣюсь и балагурю, когда мнѣ хочется плакать, когда сердце во мнѣ разрывается на части—и никто не знаетъ почему. Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ осталось отъ всей моей жизни и что я имѣю въ этомъ большомъ богатомъ домѣ? А!.. (поетъ). И потянулся, другъ мой, къ фляжкѣ... шш... Дайте ваше ухо... Я пойду сказать, что вы приказали подать еще графинъ вина (поетъ). И потянулся, другъ мой, къ фляжкѣ, налить себѣ немного бражки и выпилъ водку черезъ глотку (уходитъ съ пустымъ графиномъ).

Мазикъ (задумчиво). И это человѣкъ! Глупъ, а разсуждаетъ, какъ мудрецъ. Гримасничаетъ, какъ обезьяна, а чувствуетъ, какъ Богъ! Мыслитъ, какъ царь, а живетъ, какъ рабъ (шумъ). Мнѣ кажется, хорошенькая женушка моего компаньона идетъ сюда (изъ внутренней двери входитъ Фрейденю. Она очень богато одѣта, на ней много драгоцѣнностей).

Фрейденю. Вы тутъ одни, ребъ Уріель? Письма не было? (идетъ къ зеркалу).

Мазикъ. Нѣтъ, я думаю, разъ ребъ Гершеле не писалъ, то онъ самъ пріѣдетъ сегодня. Фрейденю, позвольте вамъ сказать: вамъ незачѣмъ смотрѣть въ зеркало. Ваша красота отражается не только въ холодномъ стеклѣ.

Фрейденю (печально). Я смотрю въ зеркало, потому что въ послѣднее время это у меня сдѣлалось привычкой. У меня нѣтъ другого дѣла, и я занята только собой. Не кажется-ли вамъ, ребъ Уріель, что очень грустно и томительно жить на свѣтѣ?

Мазикъ. Жизнь—это красивый садъ, полный плодовыхъ деревьевъ; всевозможные плоды радости и удовольствій растутъ надъ головой человѣка. Но человѣкъ не хочетъ подняться немного, чтобы достать эти плоды. Онъ срываетъ только зеленые, горькіе листочки съ деревьевъ, жуетъ ихъ и жалуется, что жизнь не вкусна. Ха-ха-ха! Листья жевать дозволено, а плоды ѣсть запрещено. Одинъ разъ только женщина осмѣлилась отвѣдать запрещенныхъ плодовъ; она имѣла счастье самой поѣсть и все человѣчество надѣлить плодомъ съ древа познанія! Черезъ эту женщину, люди рано или поздно, познаютъ и древо жизни.

Фрейденю. Я не ученая, я не знаю, что вы тутъ говорили о древѣ познанія и древѣ жизни; я знаю только то, что послѣ того, какъ наша праматерь Ева насладилась запрещеннымъ плодомъ — пришли смерть, горе, слезы и страданія. И что такое каждое удовольствіе? Короткое предисловіе къ длиннымъ горестямъ и страданіямъ. Я одѣваю новое платье, я украшаюсь драгоцѣнностями—это доставляетъ мнѣ удовольствіе на одно мгновеніе; потомъ все становится мнѣ противнымъ и сердце болитъ...

Мазикъ. Тогда нужно искать новыхъ, другихъ, еще не пережитыхъ наслажденій.

Фрейденю. Нѣтъ, наслажденія не могутъ сдѣлать счастливымъ человѣка, и жизнь радости не даетъ.

Мазикъ. Мало радости можете вы имѣть здѣсь, въ домѣ ребъ Гершеле?

Фрейденю. Здѣсь въ домѣ я заняла мѣсто благороднѣйшей женщины, которая была мнѣ второй матерью. Вотъ уже больше трехъ лѣтъ, какъ домъ ребъ Гершеле напоминаетъ мнѣ объ этомъ каждое мгновеніе.

Мазикъ. Вы этого не можете забыть, потому что васъ съ ребъ Гершеле соединило не чувство страсти, а чувство обожанія. Обожаніе—это небесное чувство, а мы живемъ на землѣ. Обожаніе—это первое чувство, которое женщина въ насъ вызываетъ. Но долгъ мужчины отрѣшиться отъ него и въ женщинѣ видѣть только женщину. Это жестоко, грубо, не поэтично—но этого требуетъ природа.

Фрейденю (не слушая его). Ахъ, если бы я хоть имѣла ребенка...

Мазикъ. Отъ дѣтей вы ждете радостей? Дѣти отнимаютъ у женщины ихъ миловидность, дѣлаютъ ихъ преждевременно старыми и больными, отрываютъ ихъ отъ всего живого міра. Богатыя, образованныя женщины стараются всѣми способами не имѣть дѣтей. Пожертвовать молодостью, свободой, красотой, не чувствовать ни любви, ни страсти?.. Фуй, безсмыслица! (шумъ). Кто тамъ идетъ? (Добе появляется въ дверяхъ).

Добе (говоритъ въ двери). Войдите, Песеню, войдите. Фрейденю, ты сидишь съ мужчиной безъ свидѣтелей? (тихо). Скажи ему, чтобы онъ ушелъ—у него дурной глазъ. (Фрейденю смотритъ на Мазика).

Мазикъ. Я понимаю (уходя). Смотрите только, чтобы въ васъ не проникъ злой духъ.

Добе (закрывая уши руками). Какъ я не слышу, такъ чтобы мнѣ не повредило. Фрейденю, тетя тоже пришла со мною. Войдите, Песеню. (Песеню входитъ; она сильно постарѣла).

Фрейденю. Ой, тетя, какъ долго вы не были у насъ. Какъ вы измѣнились и постарѣли. Вы на меня сердиты?

Песеню. Нѣтъ, дитя, за что мнѣ сердиться на тебя? Такъ... Я вошла въ домъ, такъ у меня забилось сердце. Все-же женщина (вытираетъ слезы). Ну, Фрейденю, какъ ты поживаешь?

Фрейденю. Какъ я живу? Мнѣ хорошо. Я богата, но матери нѣтъ у меня! Ой, тетя, тетя! (бросается ей на шею, плачетъ).

Добе. Мы знали, что твоего нѣтъ дома, такъ мы пришли. Ципеню тоже съ нами пошла, но потомъ она раздумала... Къ тому, мы еще встрѣтили священника на дорогѣ.

Фрейденю. А что подѣлываетъ Ципеню? Она здорова?

Добе. Не согрѣшить бы... Двое дѣтокъ, какъ брилліанты. У старшей дѣвочки я вчера отдавила завалки.

Песеню. Фрейденю, мы пришли просить тебя, чтобы ты намъ помогла. Намъ теперь очень плохо. Ребъ Хацкель и Мотеле должны будутъ, не дай Богъ, въ конецъ обѣднѣть, и намъ всѣмъ останется только просить милостыню.

Добе. Ваша фабрика насъ придушила. Какъ громадный дьяволъ, не тутъ сказано, стоитъ она въ мѣстечкѣ и давитъ насъ всѣхъ. Деньги Песеню, приданое Ципеню, наши собственные нѣсколько грошей — все забрала бѣда. Если бы ты только хотѣла попросить ребъ Гершеле. Молодая жена все можетъ. Старую жену они могутъ вышвырнуть, а за молодую они всѣ готовы себѣ голову сломать.

Песеню (вздыхаетъ). Ой, горе мнѣ... (Ципеню открываетъ двери). А вотъ и Ципеню.

Добе. Добро пожаловать. Ты опять раздумала? (Входитъ Ципеню; бѣдно одѣта, очень плохо выглядитъ).

Ципеню. Я пришла, что мнѣ дѣлать? Если нельзя пройти вѣрхомъ, то поневолѣ пойдешь низомъ! Ой, какія платья и драгоцѣнности

на нашей богачкѣ! Помнишь, тетя, она всегда только и толковала, что платья и драгоцѣнности — это тряпки (озирается). Важно тутъ у тебя, сестра...

Фрейденю. Ты мнѣ завидуешь? Ципеню, это все не даетъ счастья.

Ципеню. Кто тебѣ завидуетъ, пусть у того глаза вылѣзутъ.

Добе. Эй, Ципке, ты вовсе хочешь ссориться? Посмотри, ты вѣрно опять одѣла чулокъ на изнанку?

Песеню. Не дай Богъ, зачѣмъ ссориться? Мы пришли просить Фрейденю, чтобы она намъ помогла.

Фрейденю. Ой, сестра, какъ ты плохо выглядишь? Тебя узнать нельзя.

Ципеню. Ты можешь мнѣ повѣрить, это не отъ удовольствія.

Фрейденю. Это дѣти сдѣлали тебя старой и больной. Ты такъ молода, только три года прошло послѣ свадьбы, а у тебя уже двое дѣтей.

Ципеню. Наше единственное утѣшеніе, наша радость, наше наслажденіе—это дѣти. Нѣтъ большаго счастья, чѣмъ дѣти. Такъ думаемъ мы, бѣдняки. Какъ богачи думаютъ, я не знаю. Моя старшая дѣвочка топаетъ ножками по всей квартирѣ, когда она ходитъ, она переваливается, какъ уточка. Ой, чтобы она была здорова! Ея голосокъ звонитъ во всѣхъ уголкахъ.

Добе. Невроко, избави Богъ отъ дурного глаза. Тьфу (плюетъ), тьфу.

Ципеню. А маленькая воркуетъ въ кроваткѣ, какъ голубка. Это богатство. Это святое богатство. Его не крадутъ, не грабятъ ни у кого. Господь даетъ его человѣку, а человѣкъ отдаетъ его Божьему міру. Да, дѣти—это истинное, святое богатство.

Добе. Наибольшее благословеніе отъ Бога—это дѣти. Мнѣ уже, невроко, сорокъ пять лѣтъ и, видишь, я ношу талисманъ, если что тамъ... такъ чтобы я, не дай Богъ, не имѣла выкидыша.

Фрейденю. Все таки, когда ты была дѣвушкой, ты пѣла и веселилась, а теперь, Ципеню, ты уже какъ старуха.

Ципеню. Человѣкъ не можетъ веселиться всю жизнь; а если мнѣ не поется теперь, то это

только потому, что есть люди, которые заставляютъ насъ плакать.

Фрейденю. Сестра, съ ненавистью говоришь ты со мной. Мы теперь чужія...

Ципеню. Да, мы теперь враги, мы теперь чужія. Мы всѣ тамъ мечемся, мы работаемъ, мы трудимся, а вы, богачи, вырываете у насъ послѣдній кусокъ хлѣба изо рта. Вы топите насъ.

Фрейденю. Не мы, вы намъ враги, такъ говоритъ дядя. Онъ далъ тетѣ пять тысячъ, тебѣ далъ приданое, а ребъ Хацкель взялъ эти деньги, чтобы конкуррировать съ нашей фабрикой. Вы сами себя погубили...

Песеню. Ребъ Хацкель одинъ разъ попросилъ нѣсколько рублей, другой разъ нѣсколько,—я ему дала... Пока не стало ни денегъ, ни дѣла...

Добе. Пусть на насъ падетъ то зло, которое мы тебѣ желаемъ, Богъ—Отецъ всего Израиля, аминь.

Фрейденю. Развѣ я знаю? Дядя такъ говоритъ...

Ципеню. Ты знаешь только то, что дядя говоритъ... Ну, а сама ты не человѣкъ? Ты не знаешь, что когда-то ты имѣла друзей, родныхъ, а теперь ты отъ нихъ оторвана? Ты имѣла одну сестру—мы были сиротами, вмѣстѣ выросли—а теперь мы чужія, враги, а ты этого не знаешь? Ты не знаешь, что ту женщину, которая тебя вскормила и воспитала, какъ родная мать, ты вышвырнула изъ ея дома и заняла ея мѣсто. Ты не чувствуешь, что сердце у нея, бѣдной, разбито, а жизнь навѣки погублена (плачетъ).

Песеню. Что это ты говоришь? Богъ съ тобой! Пусть только Фрейденю будетъ счастлива, а я...я... (плачетъ).

Фрейденю. Я никого отъ себя не отрывала, я сама всѣми оставлена. Ты видишь мое богатство, мои красивыя платья, а рану моего сердца не видитъ никто. Тетенька, ваше несчастіе меня не осчастливило. Ваше разбитое сердце моего сердца радостью не наполнило. Мы обѣ вѣрили тогда, что это должно и не можетъ быть иначе. Тетя... какъ въ лѣсу... я блуждаю здѣсь... и если вы можете, пожалѣйте меня... (Всѣ женщины плачутъ. Лейзеръ входитъ съ закупоренной бутылкой въ рукахъ; ставитъ ее на столъ).

Лейзеръ. Шш... что это здѣсь? Настоящая дамская капелла... Четыре женщины съ че-

тырьмя заплаканными носами (поетъ). Плачьте женщины, кто сколько можетъ, авось вамъ Господь Богъ поможетъ.

Ципеню. А! Дѣдушка, ребъ Лейзеръ, смѣется надъ нами, надъ нашими носами, а самъ пьетъ бражку изъ большущей фляжки... Ха! Ха! Ха! Какъ поживаетъ мой добрый, старый другъ?

Лейзеръ. Ципеню, мои дѣла идутъ великолѣпно; моя фабрика уже обезпечила меня талесомъ, въ которомъ меня положатъ въ могилу (поетъ). И потянулся...

Мазикъ (входитъ). Ребъ Гершеле пріѣхалъ. (Всѣ женщины пугаются и не знаютъ, куда идти; испуганно бѣгаютъ по комнатѣ).

Фрейденю. Идемте, я васъ выпущу черезъ мою комнату (женщины въ безпорядкѣ уходятъ).

Лейзеръ (гонитъ женщинъ своимъ носовымъ платкомъ). Кшшш...бабы...кшш... Лейзеръ, спрячь своего бадхена (садится въ уголокъ).

Мазикъ. Вы пьяны, убирайтесь-ка лучше отсюда (слуга отворяетъ дверь и входитъ съ чемоданомъ въ рукахъ; за нимъ Гершеле въ дорожномъ платьѣ).

Гершеле. Добрый вечеръ! Алейхемъ-шоломъ, ребъ Уріель. Что у насъ слышно?

Лейзеръ. Шоломъ-алейхемъ, алейхемъ-шоломъ, шоломъ-алейхемъ, алейхемъ-шоломъ.

Гершеле. Ты такъ пьянъ, что съ тобой нельзя даже поздороваться! Фи!.. Ты бы лучше пошелъ спать! Что подѣлываетъ Фрейденю? (идетъ къ ея двери). Фрейденю, я привезъ тебѣ краснаго, зеленаго и желтаго шелку на платья и бриллiантовыя сережки (тихо). Я тебя потомъ поцѣлую, когда у меня будетъ время, и когда никого не будетъ.

Лейзеръ. Я таки былъ бѣднякомъ, бадхеномъ, но когда я пріѣзжалъ съ дороги, такъ мы съ моей старушечкой, таяли отъ радости, какъ сахаръ...

Гершеле. Ну, что у насъ слышно? Я васъ послушался и бралъ въ кредитъ, какъ можно больше. Даютъ, безъ всякихъ разговоровъ.

Мазикъ. Я зналъ, что если вы сами поѣдете, вы произведете хорошее впечатлѣніе. Мы должны теперь захватить, какъ можно больше...

Гершеле. Захватить?! (увидѣвъ бутылку). Что это, вино? Стаканъ вина я бы выпилъ. Вы вы-

курите сигару? (вынимаетъ большой портсыгаръ и закуриваетъ).

Мазикъ. Вина я тоже выпью, но курить не буду. Я пересталъ курить. Вы видите, какой у меня штопоръ? Англійскій (вынимаетъ изъ кармана большой штопоръ съ ножомъ, открываетъ бутылку, наливаетъ вино въ стаканы; штопоръ остается на столѣ).

Гершеле. Вы бросили курить? Это еще что за глупость? У меня превосходныя сигары (пьетъ). Это, должно быть, дешевое вино—никакого аромата... Я не понимаю, что вы этимъ думаете—захватить, какъ можно больше?

Лейзеръ. Вотъ дай мнѣ стаканъ, я тебѣ покажу, что значитъ захватить.

Гершеле. Пожалуйста, уходи отсюда, сейчасъ же уходи.

Лейзеръ (испуганно). Я уже иду (идетъ). Ребъ Уріель, я васъ хотѣлъ спросить... Скажите, прошу васъ, нынѣшній годъ високосный? (посмотрѣвъ на сына). Ухожу, ухожу.

Мазикъ. Мой планъ очень простъ (оба пьютъ). Мы теперь взяли очень много въ кредитъ, а я въ послѣднее время задержалъ всѣ платежи. Ребъ Гершеле, у насъ въ кассѣ теперь около семидесяти пяти тысячъ рублей. Вотъ ключъ отъ кассы (даетъ ему).

Гершеле. Семьдесятъ пять тысячъ? Невроко, хорошая сумма... Но, что въ томъ? Это вѣдь не все наше, мы вѣдь должны платить.

Мазикъ. Платить? Извините... Ребъ Гершеле Дубровнеръ, теперь самое подходящее время объявить себя банкротомъ...

Гершеле. То-есть какъ это? Объявить себя банкротами, когда дѣла идутъ такъ хорошо и въ кассѣ такъ много наличныхъ денегъ (наливаетъ себѣ еще вина). Вы будете пить? (наливаетъ Мазику вина). Обанкротиться!..

Мазикъ. Когда дѣла плохи, тогда уже поздно обанкротиться. Теперь время. Мой другъ, это еще лучше выигрыша. Однимъ ударомъ мы становимся богаче въ три раза...

Гершеле (вскакиваетъ съ мѣста). Та-а-къ! (Опомнившись). Но, позвольте, ребъ Уріель... Богъ съ вами, какъ же это? Вы знаете, что прежде всего я хочу остаться честнымъ человѣкомъ и честнымъ евреемъ.

Мазикъ. Именно потому, что вы честный человѣкъ и честный еврей и остаетесь такимъ же,—поэтому хорошо обанкротиться. У такого благороднаго, честнаго человѣка, какъ ребъ Гершеле, кредиторы съ удовольствіемъ возьмутъ пятьдесятъ копеекъ за рубль. Въ коммерціи быть честнымъ, это значитъ не быть дуракомъ, брать, какъ можно больше, а платить, какъ можно меньше. Такъ дѣлаютъ всѣ крупные фабриканты, которымъ мы должны, такъ-же сдѣлаемъ и мы. А честность! Вы остаетесь честнымъ человѣкомъ и честнымъ евреемъ, понятно, ибо какое это отношеніе имѣетъ къ еврейству? А деньги останутся въ кассѣ. Вы подумайте только!..

Гершеле. Да, дайте-ка посчитаемъ, сколько всего денегъ (оба садятся къ столику и считаютъ).

Слуга (въ дверяхъ). Хозяинъ, ребъ Хацкель Драхме хочетъ васъ видѣть.

Гершеле. Хацкель? Что это вдругъ?

Мазикъ. Ему не очень-то хорошо живется.

Гершеле. Та-акъ. Ну, впусти его (слуга уходитъ). Ребъ Уріель, какъ-же мы, все-таки, сдѣлаемъ это? Не забудьте, объявить себя банкротомъ—это не шутка...

Мазикъ. Вы только положитесь на меня... (Входятъ Хацкель и Мотеле. Оба какъ бы пришиблены).

Гершеле. Что это такъ поздно? Я только что пріѣхалъ съ дороги, я усталъ...

Хацкель. Мнѣ нужно очень мало сказать, ребъ Гершеле...

Гершеле. Я слыхалъ, на собраніи тебѣ нужно было очень много говорить... чтобы меня не выбрали старшиной. Я вамъ помогъ выстроить синагогу, я вамъ самъ выстроилъ бани, и я не заслуживаю у общества этой чести, а?

Хацкель. Не сердитесь, пожалуйста, я не пришелъ говорить о чести. Вы заслуживаете почестей, вы заслуживаете всего—я это понимаю своимъ простымъ умомъ. Я, Мотеле, Берлъ Лаптихъ и вся наша компанія, мы работаемъ, мы лѣземъ изъ кожи, а вы богатѣете. Мы дѣлаемъ хорошіе талесы, мы честно ведемъ наше дѣло и мы докладываемъ къ нему свои головы. Вамъ довѣряютъ, намъ не довѣряютъ. Вамъ платятъ, а наши должники смѣются надъ нами. Да, какъ видно, вы это заслужили, вы достойны этого.

Гершеле. Глупый! Ты хотѣлъ своими руками воевать съ фабрикой! Своими пальцами ты хотѣлъ остановить колеса! Съ нѣсколькими одолженными грошами ты хотѣлъ идти противъ капитала! Кто тебѣ виноватъ?

Хацкель. Берлъ Лаптихъ зналъ секретъ, какъ сдѣлать посредствомъ крахмала простые талесы, какъ шелковые; а вы этотъ секретъ у насъ просто украли... Да, какъ видно отъ грабежа можно разбогатѣть, а не отъ работы...

Мотеле. Нѣсколько разъ у меня такъ подступало къ сердцу, что я думалъ: вотъ я пойду и подожгу эту фабрику со всѣмъ, что тамъ есть...

Хацкель. Тише, глупый!

Гершеле (внѣ себя). Ты слышишь, что этотъ мальчишка говоритъ? Какъ? Поджечь мою фабрику? Мое добро, мое достояніе?

Мазикъ. Вы хотѣли сказать, нашу фабрику, наше достояніе?

Гершеле (не слушая). Въ острогѣ я бы сгноилъ тебя, въ Сибирь я бы тебя загналъ... Никто не имѣетъ права отнимать у тебя то, что принадлежитъ тебѣ, и никто не смѣетъ отнимать у меня мою собственность... (Лейзеръ тихо прокрадывается въ комнату).

Хацкель. Что ты его слушаешь? Что онъ болтаетъ. Онъ мальчикъ! Никто, не дай Богъ, не хочетъ ничего отнять у тебя. Мы пришли просить тебя... помоги намъ выкарабкаться... Песеню, бѣдной, ея пять тысячъ... мы вѣдь были когда-то лучшими друзьями...

Гершеле. Дружба—дружбой, а дѣло—дѣломъ. Тебѣ хорошо быть другомъ, когда у тебя нечѣмъ дѣлиться.

Хацкель. Вы тоже были когда-то добрымъ, послѣднимъ дѣлились...

Гершеле. У кого нѣтъ разума, тотъ добръ. Надо знать, какъ дѣлать одолженія. Ну, какъ я могу помочь тебѣ? Дать тебѣ немного денегъ, милостыню? Я знаю, гдѣ и когда нужно быть милосерднымъ... Тебѣ мое благодѣяніе не поможетъ, напрасно только выброшу деньги. Или, быть можетъ, дать тебѣ столько денегъ, чтобы ты сдѣлался главнымъ воротилой и чтобы я не могъ конкуррировать съ тобой? Я думаю, ты не считаешь меня такимъ дуракомъ.

Мазикъ (сердито). Вы забываете, что у васъ есть компаньонъ, который тоже имѣетъ нѣкоторое значеніе.

Лейзеръ.

Ты слушайся компаньонскихъ совѣтовъ,
Какъ моихъ старыхъ штиблетовъ.

Гершеле. Ты опять здѣсь? Я тебѣ, кажется, велѣлъ идти спать... (Лейзеръ пугается). Эй, уведите его отсюда! (Входитъ слуга и тащитъ Лейзера). Его нужно будетъ поселить гдѣ-нибудь у чужихъ. Позоръ держать такого человѣка въ домѣ.

Хацкель. Ну, такъ съ чѣмъ же мнѣ пойти домой?

Гершеле. Вотъ настолько я могу тебѣ помочь. Я постараюсь, чтобы Песя изъ-за тебя не страдала. Я прикажу выдавать ей изъ моей конторы отъ двѣнадцати до пятнадцати рублей ежемѣсячно.

Мазикъ. Вы думаете, изъ нашей конторы.

Гершеле. А ты, съ твоимъ сыномъ идите работать на мою фабрику.

Мазикъ. Вы хотите сказать, на нашу фабрику.

Гершеле. Да, да!.. Вы честные евреи, а къ талесамъ нужны такіе рабочіе. Ты съ честью заработаешь у меня свое пропитаніе и будешь жить спокойно. Гдѣ тебѣ вести дѣло? Для этого нужны умъ, деньги, знанія... Ты хотѣлъ вести дѣло чудомъ? Чудесами нельзя жить на свѣтѣ...

Мазикъ (саркастически). Чудо великое свершилось тамъ.

Гершеле. Что можетъ быть вѣрнѣе и спокойнѣе? Работаютъ и получаютъ плату...

Мотеле. Еще вѣрнѣе и спокойнѣе лежать въ землѣ...

Хацкель. Я простой человѣкъ... и когда ты, ребъ Гершеле, былъ бѣденъ, я еще могъ тебя понять. Но теперь? Я даже не начинаю понимать... Дружба—ничего не значитъ, одолженія нельзя сдѣлать по доброй волѣ—а съ разсчетомъ. Кто добрый—тотъ дуракъ. Какъ видно, отъ работы мы становимся все бóльшими болванами, а вы въ то же время все бóльшими мудрецами. Ну, спасибо, по крайней мѣрѣ за, то, что вы даете намъ работу... Чѣмъ помогутъ разсужденія, когда хочется кушать... Мы съ Мотеле завтра начнемъ работать. Извините, что мы

васъ побезпокоили. Спокойной ночи! Какъ видно, ты правъ...

Мотеле. Пусть Богъ заплатитъ вамъ за ваше одолженіе... (Они идутъ).

Мазикъ. Вотъ такъ это всегда... Кто сильнѣе, тотъ правъ. Идемте, я дамъ вамъ записку, чтобы васъ приняли завтра на работу (они уходятъ).

Гершеле (сидитъ задумчиво). Онъ думаетъ что я сталъ другимъ человѣкомъ... Я тотъ же... Онъ потерялъ деньги Песеню... я ей больше не обязанъ давать; но все-таки я ее не оставлю. А онъ самъ? Я чувствую, мнѣ досадно, у меня сердце болитъ. Но онъ самъ виноватъ. Каждый человѣкъ имѣетъ то, чего онъ заслуживаетъ... Его собственная вина... Это, дѣйствительно, такъ, какъ онъ говоритъ. Я взялъ на себя трудъ изучить и понять жизнь, а онъ остался тѣмъ же простымъ Хацкелемъ Драхме (встаетъ). Нужно было бы немного просмотрѣть Талмудъ. Я уже не держалъ книги въ рукахъ я самъ не помню сколько! (Становится на колѣни у чемодана и винимаетъ книгу). Напрасно взялъ съ собой—я ее даже не открылъ въ дорогѣ. (Садится, читаетъ). Да! Подарки Фрейденю. Надо пойти къ ней; я видѣлъ ее только издали (идетъ къ двери). Онъ говоритъ: семьдесятъ пять тысячъ здѣсь въ кассѣ. Нужно было бы тщательнѣй пересмотрѣть счета и пересчитать деньги (идетъ къ кассѣ, вытаскиваетъ большой мѣшокъ съ деньгами, считаетъ по тысячѣ и кладетъ въ мѣшокъ). Одна тысяча (считаетъ). Двѣ тысячи (считаетъ). Три тысячи. (Входитъ Фрейденю, въ бѣломъ пеньюарѣ, волосы распущены). Что такое? Богъ съ тобой (закрываетъ кассу).

Фрейденю. Что за крики тутъ были? Мнѣ казалось... я слышу... будто тетя плачетъ... Мнѣ часто кажется... я слышу...

Гершеле. Что тебѣ кажется, дитя мое?... Откуда здѣсь тетя?...

Фрейденю. Я не знаю, мнѣ часто кажется...

Гершеле. Глупенькая... Смотри лучше, какія серьги я тебѣ купилъ (даетъ ей футляръ).

Фрейденю (открываетъ). Ахъ, какъ красиво (восторженно). Какъ чистыя капли воды на солнцѣ, такъ сіяютъ онѣ... Мнѣ къ лицу?... (Одѣваетъ. Бѣжитъ къ зеркалу) Правда, красиво?... Но что мнѣ съ этого?(Опять печально)... Меня ничего

не радуетъ. Всякую минуту, какъ будто змѣя подступаетъ къ сердцу и пьетъ мою кровь.

Гершеле. Фрейденю, у меня тутъ есть немного работы. Иди, я сейчасъ приду...

Фрейденю. Я знаю, ты хочешь лучше остаться здѣсь и считать деньги...

Гершеле. Послушай... я говорилъ съ людьми. Я лѣтомъ, Богъ дастъ, поѣду съ тобой въ Вѣну, къ профессору... Господи, если Ты дашь мнѣ сына, я больше ничего не прошу у Тебя...

Фрейденю. Нѣтъ... я больна, я не хочу, я не должна быть матерью.

Гершеле. Если ты, не дай Богъ, больна... конечно... зачѣмъ мнѣ дѣти?... Твое здоровье мнѣ дороже дѣтей... Но что у тебя болитъ?

Фрейденю. Я все имѣю... и у меня нѣтъ ничего... Я богата, и я бѣднѣе Ципеню... Я заняла домъ моей матери и не могу себѣ мѣста найти (плачетъ).

Гершеле. Я не понимаю, чего ты хочешь?

Фрейденю. Я хочу быть счастливой. Дай мнѣ счастья, дай мнѣ радости...

Гершеле. Ай, Фрейда, ты сама не знаешь, чего ты хочешь.

Фрейденю. Мнѣ ничего не нужно и я ничего не желаю. Я хочу только, чтобы мое больное сердце чувствовало то, что когда-то... когда ты мнѣ, бывало, игралъ на скрипкѣ... Ты помнишь?..

Гершеле. Ты дурочка... Тогда мы только стремились къ нашему счастью, теперь же мы этого не можемъ чувствовать и никогда ужъ больше чувствовать не будемъ...

Фрейденю. Какъ? Такъ скрипка тогда солгала?... Нѣтъ... нѣтъ... это было бы страшно... Я прошу тебя... не чуждайся меня...

Гершеле. Конечно я не чуждаюсь тебя... (открываетъ кассу и смотритъ). Сколько я тутъ сосчиталъ? Три тысячи, кажется, а?

Фрейденю. Иди сюда, возьми скрипку... Сыграй еще разъ, еще одинъ разъ, и я снова буду сидѣть у твоихъ ногъ...

Гершеле. Ой, что ты говоришь, дитя. Играть? Я уже больше двухъ лѣтъ скрипки въ рукахъ не держалъ. Мнѣ кажется, я никогда уже не смогу больше играть.

Фрейденю. Никогда?... Все умерло... и никогда не вернется?...

Гершеле. Я не понимаю, что съ тобой, Фрейденю?... иди къ себѣ... успокойся... Я долженъ тутъ немного пересмотрѣть счета... иди, дитя... и спи спокойно! (холодно цѣлуетъ ее въ лобъ).

Фрейденю (встаетъ, долго смотритъ на него и говоритъ тихо). Спокойной ночи! (Быстро уходитъ. Видно, какъ она заглушаетъ рыданія. Онъ этого не замѣчаетъ).

Гершеле. Какъ видно, она не совсѣмъ здорова. Нужно будетъ завтра пригласить доктора (выпиваетъ цѣлый стаканъ вина и идетъ къ кассѣ). Это я уже сосчиталъ — три тысячи... (сосчитанныя деньги кладетъ въ портфель). Четыре тысячи (считаетъ). Пять тысячъ (считаетъ). Шесть тысячъ. Что это? Кажется ничего... бумажечки... И все-таки, когда посмотришь въ кассу и увидишь столько этихъ бумажечекъ—сердце наполняется радостью, сонъ проходитъ... Забываешь, что ты усталъ, что ты голоденъ... забываешь обо всемъ. Каждая сторублевка говоритъ съ тобой, какъ живое существо; каждая ассигнація ласкаетъ тебя, какъ теплый вѣтерокъ. Сколько удовольствія, радости, могущества, скрыты въ этихъ маленькихъ, хорошенькихъ бумажкахъ!.. (Мазикъ входитъ). Эйдодъ! *) Тысячи нарастаютъ. какъ главы въ Торѣ. Еще одна глава—еще тысяча. Шесть... семь... восемь...

Мазикъ. Что это, ребъ Гершеле, вы мнѣ не вѣрите? Вы провѣряете мои счета?

Гершеле (пугается). Это вы, ребъ Уріель? Я просто хочу посмотрѣть, быть можетъ вы ошиблись...

Мазикъ. Да, я вижу, я немного ошибся... Я вамъ слишкомъ много вѣрю и слишкомъ выучилъ васъ быть дѣльцомъ. Я это очень хорошо замѣтилъ, какъ вы тутъ раньше говорили: мои деньги, моя фабрика, моя контора, я прикажу, я посмотрю... Я боюсь, вы тутъ слишкомъ много хозяйничаете...

Гершеле. Вы можете быть спокойны... Вы тутъ такой же хозяинъ, какъ и я...

Мазикъ. Когда мы тутъ одни, вы это мнѣ говорите... А какъ я смогу это доказать, если вы захотите поступить со мной по точному смыслу коммерціи. Мы съ вами договора не пи-

*) Эйдодъ—восклицаніе вродѣ—ура.

сали, потому что я васъ считалъ простакомъ... Я смѣюсь таки надъ простаками, но я знаю, имъ можно вѣрить. Теперь же я боюсь... Вы дѣлаетесь что-то очень умнымъ, а въ кассѣ слишкомъ много денегъ.

Гершеле. Ну, если вы мнѣ не вѣрите, мы можемъ расписаться... Мнѣ не мѣшаетъ даже завтра...

Мазикъ. Завтра? Спасибо батькѣ вашему... я боюсь... я всю ночь не смогу спать... Я видѣлъ, вы считали деньги съ слишкомъ большимъ наслажденіемъ... какъ бы онѣ были всѣ ваши...

Гершеле. Что же вы хотите? Я хочу знать... говорите... что вы хотите?

Мазикъ. Я хочу попросту эти семьдесятъ пять тысячъ взять къ себѣ покамѣстъ; ничего, вы меня больше держите въ рукахъ... (дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ кассѣ).

Гершеле (быстро кладетъ всѣ пачки денегъ въ портфель; бросаетъ его въ кассу и запираетъ ее). Что!? Столько денегъ вамъ отдать? Что вы думаете, я съ ума сошелъ?

Мазикъ. Почему же я вамъ всегда довѣрялъ? А! Теперь я вижу, кто вы такой!

Гершеле. Ну, очень хорошо... Съ завтрашняго дня вы мнѣ не будете больше довѣрять.

Мазикъ. Съ завтрашняго дня? Нѣтъ!.. Завтра можетъ быть ужъ будетъ слишкомъ поздно. Не думайте, что я вамъ повѣрю. Не на того напали, праведникъ мой!

Гершеле. А вы такъ думаете, что я всегда буду вѣрить каждому вашему слову? (дрожитъ отъ возбужденія).

Мазикъ. А! я знаю... вы уже очень умны стали. Выучилъ васъ на свою голову!

Гершеле. Я вамъ не нравлюсь? Такъ я не буду шаферомъ на вашей свадьбѣ... (запираетъ кассу). Спокойной ночи!.. Я иду спать.

Мазикъ. Вы ошибаетесь... Вы не идете спать (загораживаетъ ему дорогу). Вы не хотите дать мнѣ денегъ, такъ подпишите мнѣ бумагу, что вы одолжили у меня сто тысячъ. Если вы обанкротитесь, или я знаю что... такъ я васъ, по крайней мѣрѣ, смогу посадить въ острогъ. Я сейчасъ напишу, а вы подпишете...

Гершеле. Ай, не будьте дуракомъ. Что значитъ, я вамъ подпишу бумагу? Что за бумаги? Какія бумаги?

Мазикъ. Какъ? Подписать вы тоже не хотите?

Гершеле. Нѣтъ! Вы мнѣ довѣряли до сихъ поръ, такъ вы мнѣ повѣрите еще одну ночь.

Мазикъ. Я вамъ больше не хочу вѣрить!.. Я не обязанъ вамъ вѣрить больше... Подпишите мнѣ бумагу или давайте деньги. Вы можете мнѣ тоже повѣрить...

Гершеле. Ай, идите къ чорту... Вы не хотите мнѣ вѣрить, не вѣрьте... Я иду...

Мазикъ. Я вамъ не вѣрю и я васъ не пущу... Я не вѣрю, я не вѣрю... (Вырываетъ у него ключъ и бѣжитъ открыть кассу. Гершеле его не пускаетъ. Мазикъ отталкиваетъ Гершеле, тотъ падаетъ. Мазикъ хватаетъ мѣшокъ съ деньгами и бѣжитъ. Гершеле за нимъ).

Гершеле. Разбойникъ!.. Грабитель!.. Воръ!.. Дай сюда деньги. (Хватаетъ его). Я тебя не выпущу отсюда живымъ... Сюда давай деньги! (Они борются, Мазикъ вырывается, бѣжитъ къ столу и хватаетъ штопоръ).

Мазикъ. Прочь отъ меня!.. Вы видите этотъ ножъ... Я за себя не отвѣчаю теперь! (Въ то время, какъ Мазикъ говоритъ, Гершеле повторяетъ одно и то же: «мои деньги, мои деньги». Онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ).

Гершеле. А, ты хочешь меня убить! Силой забрать мои деньги... Съ ножомъ! Какъ настоящій разбойникъ!.. Отдай сюда деньги!.. Деньги отдай!.. (Вырываетъ у него ножъ. Оба борются, какъ дикіе и оба падаютъ; Гершеле ранитъ Мазика въ шею и кричитъ). Нѣтъ!.. Ты раньше тутъ издохнешь, чѣмъ возьмешь мои деньги... Это мои деньги, мои деньги!.. (пачка денегъ разсыпается по полу. Вбѣгаютъ испуганные Фрейда и Лейзеръ).

Фрейденю. Горе мнѣ, что тутъ случилось?...

Гершеле (собираетъ деньги, бросаетъ ихъ въ портфель, и какъ сумасшедшій, твердитъ). Мои деньги, мои деньги, мои деньги...

(Занавѣсъ).

4-й АКТЪ.

Очень бѣдная комната у Хацкеля. У двери боченокъ съ водой. У печи большія полѣнья дровъ. Столъ, длинная деревянная скамья. Два стула. Маленькая скамеечка. У стѣны кровать. Маленькій шкафчикъ. Хацкель сидитъ у порога на скамеечкѣ и рубитъ топоромъ дрова; Добе у стола вяжетъ чулокъ и считаетъ петли).

Добе (тихо). Двадцать одинъ... двадцать два... двадцать три... двадцать четыре. Ахъ... уже уронила петлю (кладетъ чулокъ на столъ). Хацкель!.. Не руби дровъ на порогѣ. Ты еще, не дай Богъ, можешь ударить въ порогъ.

Хацкель. Не бойся, Добе, порогу не будетъ больно (рубитъ).

Добе. Не о порогѣ я безпокоюсь... Но если ты, не дай Богъ, ударишь въ порогъ, а потомъ Ципеню перешагнетъ черезъ него, то у ребенка можетъ, не дай Богъ, быть расколотая губа...

Хацкель. Добе! Развѣ Ципеню уже снова... э.. э?...

Добе. Въ добрый, хорошій, счастливый часъ.. слава Богу! Ну, а ты развѣ не знаешь, что если ударяютъ о верхнюю притолку, то у ребенка верхняя губа расколота, а если попадаютъ въ порогъ — то нижняя расколота? Ничего то ты не знаешь, какъ будто ты, не дай Богъ, не росъ среди людей.

Хацкель. Моимъ простымъ умомъ я этого не могу понять. Какъ можно расколоть человѣку губу, когда его вовсе нѣтъ при этомъ, когда онъ еще не родился даже.... Только ничего. Бабы, вѣроятно, лучше понимаютъ въ такихъ дѣлахъ.

Добе. Ты перестань разсуждать и иди лучше сюда. Вотъ такъ. Сядь вотъ на скамеечку. Разставь руки. Вотъ такъ (одѣваетъ ему на руки пасму нитокъ). Я должна размотать пасму нитокъ (разматываетъ). А—а... Хацкель-бездѣльникъ!.. Ты думалъ, что будешь у меня бездѣльничать?.. Не идешь на фабрику—такъ ты у меня вмѣсто служанки. Воды натащилъ, дровъ нарубилъ, невроко, избави Богъ отъ дурного глаза. Держи пасму. Я намотаю цѣлый клубокъ нитокъ (она долго наматываетъ; оба молчатъ; онъ сейчасъ-же начинаетъ дремать и прислоняется головой къ ея колѣнямъ). Шш!. Онъ задремалъ... Я боюсь шевельнуться, чтобы его внезапно не разбудить. Пусть онъ спитъ немножко... (Сидитъ тихо; потомъ тихо говоритъ). Го-

ворятъ, что если человѣка внезапно разбудить со сна, то онъ можетъ, не дай Богъ, рехнуться (съ улицы входитъ Лейзеръ съ палкой).

Лейзеръ. Богъ въ помощь. Смотрите, гдѣ онъ уснулъ!.. Ай! Ребъ Хацкель, вы все еще плутишка...

Добе. Ай!. Идите себѣ... онъ только нагнулся..

Хацкель. Нѣтъ, я таки вздремнулъ немножко.. (моетъ у боченка руки). Богъ въ помощь, ребъ Лейзеръ, Богъ въ помощь!. Теперь васъ видѣть—это цѣлое событіе.

Лейзеръ. Ребъ Хацкель, я нарочно пришелъ къ вамъ, я вамъ долженъ сказать одну очень важную вещь (ведетъ его въ сторону; тихо). Шш... Знайте, что есть.... Я долго мучился, но я нашелъ. Вы знаете, что значитъ по древне-еврейски: ho lachmo anio.

Хацкель Знаю ли я? Но lachmo anio—значитъ: сей бѣдный, нищенскій хлѣбъ. Я это знаю не только изъ пасхальнаго сказанія, я это знаю изъ жизни.

Лейзеръ. Шш... вотъ это оно самое.. Вы удивляетесь? Вотъ это оно есть..

Хацкель. Что—это?

Лейзеръ. Но lachmo anio, если вы скажите наоборотъ будетъ: ho anio lachmo—то это риѳмуется съ Хацкелемъ Драхме. Но anio lachmo Хацкель Драхме.

Хацкель. Ай, вы, старый сумасшедшій... Садитесь, будете гостемъ у насъ. Ха-ха-ха! (Лейзеръ садится).

Лейзеръ. Гдѣ это весь вашъ народъ? (поетъ). Народъ всегда тупъ и всегда вѣдь онъ глупъ! Уменъ только тотъ, кто даетъ ему въ ротъ (про себя). Но anio lachmo-Хацкель Драхме.

Добе. Ципеню пошла въ мясную лавку. Вы вѣдь знаете, что среди недѣли мы не имѣемъ возможности ѣсть мясо. Такъ я ей сказала, чтобы она пошла, можетъ быть найдетъ дешево—пусть купитъ: легкое, печенку или бычачью ногу. А Песеню у богача. За ней прислали. Фрейденю уже опять... не здѣсь сказано.. Вы бываете у нихъ когда-нибудь?

Лейзеръ. Нѣтъ... Я теперь живу нахлѣбникомъ у Фроима музыканта и чувствую себя, какъ блинчикъ въ сметанѣ. Зачѣмъ я туда пойду? Имъ стыдно за меня, а ихъ почтеніе мнѣ не нуж-

но. Но скажите, мой другъ ребъ Хацкель, чѣмъ этотъ день не какъ другіе, что вы сидите дома? Злодѣй, онъ вовсе мотаетъ нитки! (Добе опять застыдилась).

Хацкель. Отчего я сижу дома? Вотъ въ этомъ то и все дѣло. Ребъ Гершеле захотѣлъ осчастливить меня и далъ мнѣ чинъ прикащика. То есть, чтобы самъ я не работалъ, а ходилъ бы и лаялъ на тѣхъ, которые работаютъ. Такъ я его поблагодарилъ. Ни я, ни Мотеле не хотимъ отъ него никакихъ одолженій. Но чтобы, по крайней мѣрѣ, работы, какъ для простого рабочаго, было довольно... Я знаю... болячки врагамъ Израиля. Три дня я работаю и три дня нѣтъ. Намъ даютъ зарабатывать столько, чтобы мы съ голоду не умерли. Мотеле самъ ушелъ работать на фабрику, а я, чтобы не сидѣть сложа руки, такъ я служу Добе вмѣсто служанки. Это порядки Мазика. Ребъ Гершеле ничего не знаетъ. Такія глупости, какъ Хацкель Драхме не занимаетъ его. А я не хочу идти жаловаться или просить у него ласки (сердито рубитъ полѣно). Нѣтъ, этого мои враги не дождутся!

Добе. Ой, этотъ Мазикъ, онъ всѣхъ насъ погубилъ. Когда онъ былъ боленъ, мы думали, что мы отъ него избавимся. Пусть меня—я рукъ не мыла—не накажетъ за эти слова. Но онъ выкрутился. Что нибудь хорошее—Богъ отнялъ бы у насъ, а горе Онъ намъ оставляетъ.

Хацкель. Все-таки, онъ три мѣсяца ходилъ съ завязанной шеей. Говорятъ, они чуть не убили другъ друга изъ-за денегъ. И съ того дня Гершеле ходитъ, какъ потерянный. Слава Богу, что я бѣднякъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ никакой Мазикъ не перегрызетъ глотки изъ-за денегъ.

Добе. Берлъ Лаптихъ говоритъ, что будто Гершеле это стоило милліоны милліардовъ денегъ, пока они помирились. Ребъ Лейзеръ, сколько это милліоны милліардовъ?

Лейзеръ. Много!..

Хацкель. Ну, да, лишь бы теперь у нихъ опять тихо. Куцыню-муцыню. Они теперь еще большіе друзья и главный воротило—это Мазикъ.

Лейзеръ. Ой, когда я вспоминаю, что въ ту ночь дѣлалось? Крики: караулъ, караулъ! У моего сыночка машинка отъ фляжки, Мазикъ окровавленный, какъ свинья. Деньги, деньги,

кровь; оба барахтаются на землѣ; Фрейденю, перепуганная на смерть; у меня душа прямо на кончикѣ носа... Слава Богу, я теперь у Фроима музыканта (идетъ къ шкафу). И потянулся, другъ мой, къ фляжкѣ налить себѣ немного бражки; и пропустилъ онъ черезъ глотку немножечко хорошей водки (ищетъ въ шкафу. Добе смѣется).

Хацкель. Ребъ Лейзеръ, вашъ трудъ напрасенъ. Вы не найдете ни капли. Нынѣшнюю субботу вечеромъ мы даже молились не надъ виномъ, а надъ сухимъ хлѣбомъ.

Лейзеръ. Надъ сухимъ хлѣбомъ? Фе!.. А вотъ и наша Ципеню (Входитъ Ципеню; на плечахъ у нея шаль, въ рукахъ корзинка. Она въ хорошемъ настроеніи).

Ципеню. А, у насъ гость! Богъ въ помощь, дѣдушка. Хорошо, что вы пришли: я васъ должна спросить о чемъ то очень важномъ (отводитъ Лейзера въ сторону; онъ очень заинтересованъ). Шш... Скажите мнѣ, прошу васъ..... э..... э..... прошлой зимой шелъ снѣгъ? (всѣ смѣются).

Лейзеръ. Та-а-къ!. Хорошо.. Я долженъ отплатить, хорошо....

Добе. Ой, у меня что-то чешется лѣвое ухо, я боюсь, я боюсь, мы еще, не дай Богъ, будемъ имѣть плохія вѣсти.

Ципеню. Дорогая свекровь, плохія вѣсти я вамъ принесла. Я ничего хорошаго не достала. На каждую печенку есть двадцать охотниковъ, а на каждую ногу—семнадцать бабъ. Такъ я пришла безъ печенки и безъ ноги. Неправда-ли, плохія вѣсти? Ха-ха-ха... Дѣточки спятъ еще?

Хацкель. Мотеле, бѣдный, придетъ съ работы голодный.

Добе. Ну, мы ему сваримъ рыбную картошку. Онъ это любитъ и ему будетъ на здоровье, невроко, избави Богъ отъ дурного глаза.

Ципеню. Дѣдушка, картошка съ водой, съ массой перца и безъ рыбы, у насъ называется рыбной картошкой. Вы это любите? Картошка.. э... э... Тартошка... Ой, должно-быть съ картошкой не риѳмуются ни одно слово.

Лейзеръ. Покушаемъ ложкой—мы рыбу съ картошкой, потомъ возьмемъ бражки..

Ципеню (перебивая). Немножко изъ фляжки. Ха-ха-ха. Свекровь, дорогая, а гдѣ это тетенька?

Добе. Ее пришли звать къ Фрейденю. У нея вѣдь опять эта болѣзнь, не про нашъ домъ

сказано. Каждый мѣсяцъ это находитъ на нее. На! Слыхала ты подобную болѣзнь? Ничего не болитъ—и больна; она не сумасшедшая,—но не въ своемъ умѣ (Ципеню сидитъ печальная).

Хацкель. Это меланхолія... Говорятъ, что всѣ богачи болѣютъ этой болѣзнью.

Добе. Ты знаешь? Это происходитъ отъ того, что женщины не имѣютъ дѣтей. Что ты скажешь, все таки, какъ у меня чешется лѣвое ухо?

Лийзеръ. Если бы я зналъ, что нашего господина, повелителя, ребъ Гершеля, нѣтъ дома, я бы зашелъ ее провѣдать. Она таки большая богачка, но все-таки ее очень жаль.

Ципеню. Да, ребъ Лейзеръ, зайдите къ ней. Вы совершите благое дѣло; она ужасно одинока. Ой, если бы вы ее видѣли, когда это на нее находитъ! Тиха, какъ голубь, говорить сама съ собой, поетъ про себя тихо, тихо и такъ грустна... (Всѣ сидятъ тихо. Пауза. Внезапно раздается шумъ. Ципеню испуганно вскакиваетъ). Ой, гого мнѣ! Что тамъ такое? У меня сердце оборвалось... (Вбѣгаетъ испуганный рабочій-еврей).

Рабочій. Богъ съ вами... я прошу васъ... не пугайтесь... Несутъ вашего Мотеле... домой...

Всѣ. Ой, горѣ мнѣ! Что такое?

Добе. Несчастіе пришло на насъ!

Рабочій. Это... не очень опасно... Колесомъ... ему оторвало руку...

Хацкель. Фабрика!.. фабрика!.. Ой, эта фабрика!..

Ципеню. Гдѣ онъ?... Мотеле! Мотеле! Мотеле! (бѣжитъ къ двери. Навстрѣчу идутъ рабочіе-евреи, которые несутъ Мотеле; онъ въ крови. Одна рука обернута платками, черезъ которые видна кровь. Совсѣмъ сверху, новый бѣлый талесъ, тоже въ крови. Ципеню кричитъ не своимъ голосомъ). Ой Боже мой!.. Онъ умеръ!.. Онъ мертвый!..

Добе. Дитя мое, мое единственное дитя, мой Мотеле...

Рабочій. Богъ съ вами... онъ только въ обморокѣ. (Они кладутъ Мотеле на кровать).

Хацкель. Господь! Твои талесы дѣлаютъ теперь колесами, которые рвутъ наше тѣло. Смотрите, мой сынъ, мой сынъ... (всѣ возлѣ кровати).

Ципеню. Мотеле, ой, я этого не перенесу! (она и мать рыдаютъ возлѣ Мотеле).

Мотеле (приходитъ въ себя, очень слабымъ голосомъ). Ой! (Хочетъ усмѣхнуться). Не пугайтесь, это ничего. Только одну руку оторвало. Ой! Какое значеніе имѣетъ тамъ рука у рабочаго. Отецъ... ты знаешь... онъ... ребъ Гершеле... какъ разъ стоялъ у окна... недалеко... моя кровь брызнула на него... Ой, Ципеню... (лежитъ безъ чувствъ. Входятъ, спѣша, докторъ и фельдшеръ).

Хацкель. Мотеле, дитя мое, крѣпись. Вотъ пришелъ докторъ... Сынъ мой!..

Ципеню. Боже мой! Горе мнѣ!.. Что будетъ съ нами? Что съ нами будетъ?! (рыдаетъ).

Добе. Дитя мое, сынъ мой, несчастіе пришло на насъ, горе мнѣ!.... (Всѣ плачутъ, рабочіе вытираютъ слезы. Докторъ вынимаетъ инструменты изъ чемодана. Много евреевъ и евреекъ испуганно заглядываютъ въ окна и двери).

(Занавѣсъ).

КАРТИНА 2-я.

(Дворъ фабрики. Слышенъ шумъ колесъ и стукъ машинъ. Мазикъ вводитъ Гершеле; Гершеле очень блѣденъ).

Мазикъ. Вы себя еще плохо чувствуете? Выйдите сюда немного на воздухъ. Эй! кто тамъ. Принесите сюда стулъ! (рабочій приноситъ стулъ). Смотрите, какъ онъ поблѣднѣлъ..

Гершеле. Я увидѣлъ алую кровь, такъ я сдѣлался бѣлымъ... Ой! (разстегиваетъ воротникъ сорочки).

Мазикъ. Что тутъ такого особеннаго? Такъ идетъ жизнь: этому отрываетъ руку, другой лишается ноги, множество людей погибаетъ на войнѣ. Жизнь изъ-за этого не останавливается, и міръ не измѣняется ни на волосокъ. Что означаетъ Мотеле въ великой міровой фабрикѣ, которая называется природой?

Гершеле. Мазикъ, ты правъ. Мотеле не имѣетъ никакого значенія. Ну, а Гершеле—много значитъ? Ой, какъ говорится въ нашемъ писаніи: человѣкъ подобенъ разбитому черепку, подобенъ тѣни, что убѣгаетъ, подобенъ пыли вѣтромъ уносимой, подобенъ сну исчезающему.

Мазикъ. Э! Это старая еврейская пѣсенка, которой еврей всегда отравляетъ себѣ жизнь, и самъ на себя нагоняетъ ужасъ и страхъ. Давно, давно уже высказалъ нашъ герой страдалецъ

овъ эту мудрую мысль: человѣкъ какъ цвѣтокъ, который всходитъ и вянетъ, какъ тѣнь, которая убѣгаетъ. Нѣтъ, мнѣ уже гораздо больше нравится то, что ученый нѣмецкій докторъ сказалъ: «удовольствія хочу я черпать отъ всего, но чтобы къ еще большему стремился мой разумъ».

Гершеле. Я еврей, и старыя еврейскія пѣсенки будутъ жить во мнѣ до самой моей смерти. Человѣка скорѣе можно изъ меня вытравить, но не еврея. Нѣтъ! Тотъ, кто сказалъ, что хочетъ наслаждаться, а умомъ стремиться—былъ навѣрное не еврей. Еврей думаетъ: нельзя наслаждаться, когда умъ стремится, и умъ не можетъ стремиться, когда наслаждаются.

Мазикъ. Нужно быть не только евреемъ, нужно быть и человѣкомъ.

Гершеле. Да, человѣкомъ тоже!.. Ой, временами я представлялъ себѣ, какъ мощно будетъ звучать Великій Рогъ въ день Суда и будетъ будить мертвыхъ изъ могилъ... И будетъ звать ихъ къ Трону Правосудія. Мазикъ, когда изъ его груди сегодня вырвался этотъ ужасный крикъ боли, я почувствовалъ, что есть нѣчто, что звучитъ страшнѣе, чѣмъ Великій Рогъ. Мазикъ, человѣкъ кричалъ въ немъ, настоящій. естественный человѣкъ. И какъ глубоко ни спали уже во мнѣ человѣческія чувства—его крикъ разбудилъ ихъ. И когда я увидѣлъ эти блѣдныя лица вокругъ него, ихъ неподдѣльный ужасъ и состраданіе, я понялъ, что этотъ человѣческій крикъ есть тотъ мощный Рогъ, который зоветъ насъ къ Великому Суду, который ломаетъ панцырь, лежащій на нашемъ сердцѣ и будитъ людей изъ могилъ. Передъ этимъ голосомъ исчезаютъ еврей и не еврей, хозяинъ и работникъ, мудрый и глупый. Человѣкъ только остается, человѣкъ.. человѣкъ!..

Мазикъ. О, я знаю, что еврей называетъ человѣкомъ. Конечно, не мощь, силу, дѣятельность, находчивость, дерзаніе. Нѣтъ! Плакаться, какъ слабая женщина, сомнѣваться, колебаться, не имѣть удовольствія отъ жизни, много думать и мало дѣлать—это еврей называетъ человѣкомъ. Очень вамъ нужно такого человѣка вызвать изъ могилы, чтобы онъ пришелъ и отравилъ жизнь. Что вы смотрите? Не бойтесь, на васъ нѣтъ уже крови. Ее отмыли.

Гершеле. Отмыли? Гм... Отмыли или не отмыли... его кровь не пугаетъ меня. Видишь-ли тогда... въ ту ночь... когда я твою кровь увидѣлъ на себѣ—я боялся, мнѣ было стыдно, мнѣ было скверно. Но его кровь не пугаетъ меня. Она причиняетъ мнѣ боль. Я не чувствую стыда, а чувствую острое страданіе.

Мазикъ. Ха-ха-ха... Глупости... Ваши нервы немного разыгрались. Вы это видите въ первый разъ. Идемте, свѣжій воздухъ сдѣлаетъ васъ опять здоровымъ! Эй! Берлъ Лаптихъ, убери стулъ. (Еврей рабочій уноситъ стулъ). Глупости. Вотъ я однажды видѣлъ, какъ на большой фабрикѣ большое колесо зацѣпило одного, подняло его живымъ совсѣмъ высоко и потомъ стащило внизъ и размололо въ пыль (ведетъ Гершле объ руку).

Гершеле (задумчиво). Какъ видно, это всегда такъ. Колесо жизни поднимаетъ высоко, высоко, а потомъ сбрасываетъ и превращаетъ въ пыль и прахъ.

Мазикъ. Ну, еврей безъ пыли и праха, какъ гой безъ водки и пива. Идемте, мы выпьемъ немного коньяку. Смотри-ка, какъ онъ блѣденъ, хе-хе-хе... Вы еще совсѣмъ не созрѣли. Это только привычка... На большихъ фабрикахъ ломаетъ ноги и рветъ руки каждую минуту, и ничего... Нужно только привыкнуть. Сантиментальнымъ можно было быть когда-то, когда человѣкъ работалъ съ человѣкомъ. Теперь мы работаемъ съ машинами, и человѣкъ долженъ быть пунктуаленъ, силенъ и холоденъ, какъ машина. Видишь! Человѣкъ въ немъ пробудился, такъ онъ самъ пересталъ быть человѣкомъ. Ха-ха-ха. (Оба уходятъ. Машина и колеса шумятъ).

Занавѣсъ.

КАРТИНА 3-я.

Кабинетъ Гершеле. Шкафъ съ книгами; на шкафу лежитъ скрипка въ футлярѣ. Посреди комнаты письменный столъ, возлѣ котораго стоитъ высокая желѣзная касса; нѣсколько стульевъ. Лейзеръ и Песеню сидятъ; оба очень печальны. Фрейденю, ходитъ, заломивъ, руки и тихо поетъ плачущимъ голосомъ псаломъ Давида; понемногу темнѣетъ.

Песеню. Фрейденю, что у тебя болитъ, дитя мое? Ты больна, а?

Фрейденю. Сердце болитъ у меня, тетя... Какъ будто змѣя сосетъ мою кровь... я не могу себѣ мѣста найти. Меня ничего не печалитъ и ничего не радуетъ. Я чувствую... мнѣ кажется, будто я плыву въ морѣ печали и слезъ (идетъ къ шкафу, беретъ скрипку и осматриваетъ ее).

Лейзеръ. Но почему это? Почему ты такъ чувствуешь?

Фрейденю. Я сама не знаю... Какъ-то вдругъ приходитъ такая досада, такая горечь, такая боль...

Песеню. Ой, горе мнѣ! (тихо Лейзеру). Мнѣ нужно было бы сбѣгать посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Но какъ оставить ее теперь одну?

Лейзеръ. Туда ни одного человѣка не впускаютъ, въ особенности бабъ... Ихъ гонятъ, какъ гусей... Теперь докторъ дѣлаетъ операцію (шумъ). Ой, я боюсь; мнѣ кажется, хозяинъ бадхена идетъ (входитъ Мазикъ и Гершеле. Лейзеръ встаетъ)

Гершеле (очень печально). Смотрите, какіе гости у меня въ конторѣ. Фрейденю, что ты подѣлываешь? Ты пришла меня навѣстить?

Фрейденю. Я часто прихожу сюда и прислушиваюсь: когда уже скрипка будетъ играть? А скрипка молчитъ. Какъ мертвая лежитъ она, а когда-то она говорила. Ой... я хотѣла бы еще разъ услышать, что она тогда сказала.. Обманула она меня? Неправду она мнѣ сказала?

Гершеле (кладетъ назадъ скрипку). Прошу тебя, Фрейденю, успокойся. Пожалѣй себя, пожалѣй меня.

Фрейденю (задумчиво). Тянутся длинные, сѣрые дни, безъ свѣта и безъ тьмы, безъ холода и безъ тепла, безъ горя и безъ радости.

Гершеле. Нѣтъ радости тамъ, и нѣтъ радости здѣсь (тяжело вздыхаетъ).

Фрейденю. Ахъ, я понимаю. Идемъ, тетенька. Дядя хочетъ, навѣрное, просмотрѣть счета и пересчитать еще разъ свои деньги. Деньги звенятъ, а скрипка молчитъ. Ребъ Уріэль, въ тотъ день, когда вы принесли намъ главный выигрышъ, мы все проиграли.

Песеню. Ой, всѣ проигрываютъ, а счастье никому не достается.

Мазикъ. Вы думаете, она не права? (открываетъ кассу). Посмотрите, тутъ есть, что сосчитать (обѣ женщины уходятъ).

Гершеле. Нѣтъ!.. Деньги я уже сосчиталъ Счета, видишь ли, счета, кажется, уже пора просмотрѣть!

Лейзеръ (который все время испуганно стоялъ, машетъ рукой и быстро крадется къ двери). Спокойной... (хочетъ выбѣжать).

Гершеле. Извини пожалуйста, отецъ, я хотѣлъ тебѣ что-то сказать. Не уходи, прошу тебя. Останься здѣсь... Живой души нѣтъ въ домѣ... Я тутъ одинъ... Я жалѣю, отецъ, что я пустилъ тебя жить на старости у чужихъ.

Мазикъ (въ сторону). Онъ ищетъ въ бадхенѣ человѣка...

Лейзеръ. Я не у чужихъ... Фроимъ-музыкантъ мнѣ родной. Мы понимаемъ другъ друга, у насъ есть о чемъ говорить: мы вспоминаемъ о прежнихъ, старыхъ годахъ. Нѣтъ, я скажу тебѣ правду: тамъ, у чужихъ, я свой, а здѣсь, дома, я былъ, какъ на чужбинѣ. Тамъ, понимаешь-ли, нѣтъ ни хандры, ни меланхоліи. Есть что кушать—ѣдятъ съ аппетитомъ, нечего ѣсть—пробавляются шутками, словечками, ссорятся и мирятся, смѣются, играютъ въ шашки, забавляются музыкой... Я провѣтриваю тамъ немного своего бадхена. Я знаю, для тебя это стыдъ, но тамъ—это на своемъ мѣстѣ. Понятно, я не могу заставить тебя платить Фроиму за такого стараго отца, такого грубіана...

Гершеле. Нѣтъ, отецъ, какъ можно, я не это думалъ, ты меня не понялъ...

Лейзеръ. Я хочу сказать, если ты даже не будешь платить, то Фроимъ меня тоже не выгонитъ. У бѣдняковъ это не играетъ большой роли. А я—здѣсь? Что нужно мнѣ здѣсь и что я имѣю здѣсь? Добраго дня... уже кажется темно, можно сказать: спокойной ночи. (тихо) Охъ, нѣтъ моей мочи (уходитъ).

Мазикъ. Ну, должны вы такъ бояться человѣка? ха-ха-ха. Ребъ Гершеле, въ каждомъ человѣкѣ живетъ бадхенъ.

Гершеле. Да, но въ каждомъ бадхенѣ живетъ человѣкъ. Ты понимаешь, какъ бы гордо мы ни держались, какъ бы богаты и сильны мы не были—мы боимся человѣка. Когда мы строимъ синагогу или школу, или вотъ, когда я, напримѣръ, хотѣлъ выстроитъ тутъ больницу, или, если я плачу за своего отца, такъ дѣлаю я это только потому, что боюсь человѣка, только по-

тому, что мы хотимъ отдать человѣку хоть маленькую частичку громаднаго долга, только потому, что мы думаемъ, что намъ удастся хоть обмануть, ослѣпить, подкупить его. Мазикъ, ничего такъ не пугаетъ человѣка, какъ самъ человѣкъ. (Понемногу темнѣетъ).

Мазикъ. Я не понимаю... Я знаю, люди боятся Бога, другіе боятся дьявола. Вы-же боитесь человѣка. Что же человѣкъ—это что-то всемогущее?

Гершеле. Съ Богомъ можно сосчитаться, дьявола боишься очень мало, если считаешь себя достаточно умнымъ. Но человѣкъ? Наши мудрецы говорятъ: когда человѣкъ грѣшитъ передъ Богомъ, то эти грѣхи отпускаются ему въ Судный День. Но когда человѣкъ грѣшитъ передъ человѣкомъ... тутъ ужъ не помогаютъ ни слезы, ни добрыя дѣла, ни молитвы въ Судный День (шумъ). Шш... кто это тамъ? (Нѣсколько рабочихъ евреевъ вводятъ Добе и Ципеню. Обѣ сильно заплаканы).

Рабочій. Извините, пожалуйста, ребъ Гершеле, докторъ велѣлъ ихъ отвести въ контору. Изъ-за нихъ нельзя сдѣлать операціи. Ой, мы ихъ насилу оторвали (уходятъ).

Гершеле (мягко). Войдите туда. Пойдемте, тамъ наши (ведетъ ихъ).

Добе. Ой, недаромъ мнѣ прошлой субботой ночью снилось, что у меня выпалъ зубъ. Не зубъ. а глазъ изъ головы у меня вырвали. Мое единственное дитя вы мнѣ искалѣчили.

Ципеню. Зачѣмъ вамъ говорить? Вѣдь онъ нашъ хозяинъ, а развѣ это можетъ трогать хозяина? У Мотеле нѣтъ руки, такъ другой будетъ работать (плачетъ).

Гершеле. Ципеню, я не только твой хозяинъ, я твой дядя и твой шуринъ.

Ципеню. Съ тѣхъ поръ, какъ вы развелись съ тетей—вы мнѣ больше не дядя, а тѣмъ, что вы мою сестру сдѣлали несчастной—вы мнѣ не шуринъ! (Обѣ уходятъ во внутреннія двери).

Гершеле. Всѣ мнѣ чужіе, всѣ враги. Кажется, всѣ хотятъ быть друзьями богатаго, всѣ такъ дорого цѣнятъ его дружбу. Но это только такъ кажется. Когда наступаетъ время, и они говорятъ правду, говорятъ то. что они чувству-

ютъ, тогда видно, что всѣ враги, всѣ чужіе. Это кажется только, что всѣ съ тобой, а въ дѣйствительности ты одинокъ... одинокъ... Мазикъ, прошу тебя, я хочу тутъ остаться одинъ...

Мазикъ. Но я не хочу васъ оставить одного... я боюсь, вы очень нервны и... и что-то слишкомъ много заняты человѣкомъ... человѣкомъ.

Гершеле. Чѣмъ можешь ты мнѣ помочь теперь? Ты помогъ мнѣ сдѣлаться богатымъ, сдѣлаться важнымъ, извѣстнымъ, добиться почестей, но осчастливить меня, успокоить меня, мой духъ удовлетворить, мою больную душу излечить—этого ты не въ состояніи сдѣлать. Прошу тебя... оставь меня теперь...

Мазикъ (саркастически). Человѣкъ хочетъ остаться одинъ, безъ меня?

Гершеле. Да, иди, я хочу остаться одинъ... Ты не слышишь? (зло). Я говорю тебѣ: уходи отсюда...

Мазикъ (идетъ). Плохо съ такимъ компаньономъ. Кажется, онъ обладаетъ всѣми элементами, изъ которыхъ создается счастье и все-таки онъ не можетъ себѣ создать его. Хочешь помочь ему — онъ позволяетъ помогать себѣ только нѣкоторое время и начинаетъ осматриваться, оглядываться, сожалѣть, раскаиваться, остается глухимъ къ твоимъ рѣчамъ и прислушивается къ тому, что говоритъ человѣкъ. Иди, имѣй дѣла съ такими господами... (уходитъ).

Гершеле. Я совсѣмъ не зналъ, какъ я одинокъ. Ни одного друга, ни одного даже человѣка во всемъ мірѣ, къ которому я могъ бы теперь придти съ моимъ наболѣвшимъ сердцемъ, выплакать свое горе, разсказать всѣ свои ошибки и услышать хотя-бы слово утѣшенія и поддержки. Мой родной отецъ не чувствуетъ себя дома у меня—у своего единственнаго сына. Моя Фрейденю? Я ее не понимаю. Я былъ занятъ дѣлами и не имѣлъ времени обрѣсти ея дружбу. Ой, я долженъ признаться, она... разведенная... она была когда-то моимъ лучшимъ другомъ во всемъ мірѣ, а теперь... теперь мы чужіе. Какъ бы золъ я ни былъ... она простила бы мнѣ, потому что она была искреннимъ другомъ. Истинная дружба не знаетъ никакихъ счетовъ. (Входитъ Песеню). Ой!

Песеню. Здѣсь никого нѣтъ? Я хотѣла послать за нашатырнымъ спиртомъ. Съ Ципеню каждый разъ обморокъ (идетъ къ наружной двери).

Гершеле. Хорошо... что вы пришли. Я хочу съ вами поговорить...

Песеню. Поговорить?... Не теперь... вы тутъ одинъ. Нельзя мнѣ съ вами быть наединѣ въ комнатѣ, съ чужимъ...

Гершеле. Не думайте, что это такой большой грѣхъ.

Песеню. Нѣтъ... но о чемъ я могу говорить съ вами или вы со мной, когда мы другъ другу чужіе... Почему вы сидите въ темнотѣ? Надо сказать, чтобы принесли лампу (въ дверь). Принесите лампу!

Гершеле. Нѣтъ, я хочу сидѣть въ темнотѣ. (Слуга вноситъ лампу и уходитъ).

Песеню. Кого бы послать... (въ сторону). Ой, горе мнѣ, онъ, бѣдный, не имѣетъ даже съ кѣмъ слова сказать (идетъ къ двери, быстро входитъ Лейзеръ).

Гершеле. Что такое?

Лейзеръ. Песя, будьте добры, я вамъ долженъ что-то сказать... Шш...

Песеню. Ну, ваши секреты... Мнѣ теперь больше не о чемъ думать!..

Лейзеръ. Песеню, первый разъ въ жизни мнѣ приходится сказать такой секретъ, отъ котораго не будутъ смѣяться (тихо). Я только что слышалъ на улицѣ: Мотеле не выдержалъ операціи... Онѣ тамъ?... Имъ нельзя сказать...

Песеню. Ой, какъ Ципеню перенесетъ это? А эта несчастная мать... Горе мнѣ... (Лейзеръ и Песя уходятъ).

Гершеле. Что тамъ опять случилось? А! Что мнѣ до всего этого? (ходитъ по комнатѣ). Что ждетъ меня въ будущемъ? Какъ будто я смотрю въ мрачную бездну, въ страшную пропасть... Я боюсь... я боюсь жить... Такая жизнь пугаетъ меня, а измѣнить ее я не смогу. (Вдругъ хватается за голову). Ой... страшная мысль... Господь, Ты знаешь, что я чувствую. Ты добрый и Ты простишь меня. Я боюсь жить... Я боюсь жить... (закрываетъ лицо; входитъ Хацкель; Гершеле его не видитъ. Хацкель заплаканъ и печаленъ. Пауза).

Хацкель. Хозяинъ, извините пожалуйста. (Гершеле пугается). Вамъ нечего пугаться... Я при-

шелъ звать домой мою несчастную жену... и сѣдную сноху...

Гершеле. Да?... Онѣ могутъ уже идти домой? Уже кончили операцію?

Хацкель. Да! Онѣ могутъ уже идти домой. Вашъ докторъ кончилъ то, что начала ваша фабрика... Шш... я не хочу, чтобы онѣ узнали. (Тихо). Ребъ Гершеле, мой сынъ умеръ подъ ножомъ.

Гершеле. Ой, горе мнѣ! Умеръ! Благословенъ Судья Справедливый! *).

Хацкель. Кто это говоритъ, что есть Судья Справедливый? Вы? Вы вѣрите, что есть Судья Справедливый, которому вы должны будете дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ? Ой, ребъ Гершеле, не съ нимъ и за все, даже со мной однимъ вы не сможете сосчитаться.

Гершеле. Да, ребъ Хацкель, я чувствую и вѣрю, что рано или поздно, каждый человѣкъ долженъ будетъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ... Но тебѣ? Тебѣ дать отчетъ?...

Хацкель. Да, мнѣ, вашему рабочему, вы прежде всѣхъ должны будете дать отчетъ. Мы раньше были братьями—теперь я вашъ батракъ. Когда-то я былъ вашимъ другомъ—теперь я вашъ слуга. Прежде, когда тебѣ нужно было написать «Егова», ты шелъ окунуться въ воду — теперь ты купаешься въ нашей крови... въ крови нашихъ юныхъ, невинныхъ дѣтей.

Гершеле. Хацкель, пожалѣй меня...

Хацкель. Ты имѣлъ стараго отца, котораго ты почиталъ, кажется, больше, чѣмъ слѣдовало—ты его пожалѣлъ? Пожалѣлъ-ли ты свою жену — честную, благочестивую женщину, которая обожала тебя, какъ ангела? Пожалѣлъ-ли ты свою молодую жену, которая изъ-за тебя сдѣлалась, какъ помѣшанная?

Гершеле. Изъ-за меня?

Хацкель. Да, изъ-за тебя... Пожалѣлъ-ли ты своего товарища, своего лучшаго друга и его дѣтей!.. Ой, горе мнѣ! Въ то время, какъ ты сидишь здѣсь и считаешь деньги, у меня дома лежитъ мертвецъ, который убитъ твоими деньгами. Ты обѣщалъ своей фабрикой все мѣстечко осчастливить — а ты насъ всѣхъ ограбилъ, сдѣлалъ

*) Короткая молитва, произносимая при извѣстіи о чьей-либо смерти.

насъ несчастными. Ребъ Гершеле Дубровнеръ, ты игралъ комедію съ Богомъ! Ты искалъ святой работы, работы угодной Богу?! Ты дѣлалъ талесы для евреевъ? Вотъ, смотри (вынимаетъ изъ-за пазухи талесъ; онъ въ крови). Вотъ одинъ изъ твоихъ талесовъ... онъ въ крови... Онъ пропитанъ кровью моего сына и слезами его несчастныхъ сиротъ! Мой умершій сынъ испортилъ тебѣ талесъ — запиши его на мой счетъ! (бросаетъ талесъ и быстро уходитъ въ другую комнату).

Гершеле (долго остается неподвижнымъ, потомъ беретъ талесъ и осматриваетъ его). Пропитанъ кровью его сына и слезами его сиротъ... и это тоже записать на его счетъ! Ой! Это большой счетъ, тяжелый счетъ! Я долженъ очень много платить, и я вижу, что долженъ обанкротиться. Банкротъ! Я банкротирую теперь не такъ, какъ тогда, съ Мазикомъ въ компаніи. Нѣтъ! Одинъ! Тѣ долги я имѣлъ чѣмъ заплатить, но не хотѣлъ, теперь я бы хотѣлъ, быть можетъ, платить — но не имѣю чѣмъ... (открываетъ кассу). Полная касса денегъ, а ничтожнѣйшій долгъ, который человѣкъ долженъ человѣку, нельзя этимъ заплатить!.. Ой, великій богачъ, какъ страшно бѣденъ ты! (осматриваетъ талесъ и кладетъ его на кассу). Очень много словъ нужно имѣть для того, чтобы сумѣть выразить то, что я теперь чувствую. Легче было бы такую боль выплакать, но у меня нѣтъ слезъ... (увидѣвъ скрипку). О! я буду играть! Еще одинъ разъ играть! (снимаетъ со шкафа скрипку; закрываетъ всѣ двери). Когда-то, прежде совсѣмъ другія чувства заставляли меня говорить твоими струнами. Теперь еще разъ, еще одинъ разъ говори за меня. Фрейденю говоритъ: ты сошла къ намъ съ небесъ. Неси же вмѣстѣ съ твоими звуками мое горе и стоны, туда, откуда ты пришла... (играетъ тихо и съ чувствомъ Псаломъ Давида, потомъ закрываетъ лицо и остается неподвижнымъ). Раньше я не имѣлъ слезъ но теперь я чувствую, ясъ умѣю плакать.. Да! Я плачу, и мнѣ снова приходитъ на память сказаніе, которое какъ разъ подходитъ къ банкроту, который заканчиваетъ свои дѣла (беретъ изъ шкафа книгу и становится съ ней возлѣ кассы—какъ въ синагогѣ у амвона—и читаетъ) Ой! (глубоко вздыхаетъ). Что можетъ человѣкъ заслужить, и какъ онъ можетъ быть чистъ. Онъ нечистъ тѣломъ,

мыслями, жизнью, нечистъ своей смертью. Да, всѣ его дни темны, ночи мрачны, дѣла его суетны. Его жизнь, какъ сонъ. Его посѣщаютъ страхи, ночью не спитъ онъ, днемъ онъ не спокоенъ— и такъ до самой могилы. О чемъ печалиться можетъ челозѣкъ? Онъ рожденъ, чтобы мучиться и страдать. Конецъ его жизни доказываетъ ему смыслъ его начала. Творитъ онъ благодѣянія—его проводятъ до мѣста его послѣдняго успокоенія; тогда мудрость его сойдетъ съ нимъ въ могилу.. (припадаетъ къ окровавленному талесу и рыдаетъ, потомъ рѣшительно поднимаетъ голову, беретъ талесъ, привязываетъ его къ ручкѣ кассы, затягиваетъ петлю на шеѣ, смотритъ долго вокругъ себя, глубоко вздыхаетъ и опускается. Касса закрываетъ его тѣло. Пауза. Тихо появляется Фрейденю).

Фрейденю. Скрипка опять говорила, опять она пѣла объ истинѣ. Я слушаю и слушаю... а она молчитъ. Почему она умолкла? Почему ты не говоришь больше? (поетъ тихо „Псаломъ Давида“) Гершеле, скрипка молчитъ—и ты молчишь. Гдѣ ты? (вдругъ замѣчаетъ его). Ой, ой... (отчаянно кричитъ. Лейзеръ, Песя, Добе, Ципеню, Хацкель вбѣгаютъ изъ внутренней двери. Мазикъ изъ наружной). Ой, я боюсь, я боюсь смотрѣть на него...

Всѣ (испуганно). Что такое? Что случилось? (Хацкель замѣчаетъ Гершеле).

Песеню. (помогаетъ Хацкелю снять Гершеле) Я не боюсь его... Сердце мое обливается кровью.

Хацкель. Господь въ небесахъ! (Снимаетъ Гершеле; онъ мертвъ; плачетъ). Благословенъ Судья Справедливый... (Хацкель и Лейзеръ кладутъ Гершеле на полъ и накрываютъ талесомъ).

Лейзеръ. Боже Великій! Не бадхенъ, а старый Лейзеръ теперь страдаетъ и плачетъ. (всѣ женщины въ отчаяньи плачутъ).

Мазикъ (въ сторонѣ). Столько денегъ въ кассѣ... все таки не захотѣлъ жить больше... Что же? Могущество денегъ тоже ограничено? Какъ? Деньгами можно только свести съ пути, закрѣпостить, испортить—но совсѣмъ уничтожить человѣка въ человѣкѣ—нельзя? Если такъ, то я, какъ видно, проигралъ...

Песеню (падаетъ на трупъ). Теперь, когда онъ умеръ, позвольте мнѣ хоть плакать подлѣ него... (рыдаетъ; всѣ плачутъ. Вдалекѣ слышенъ звукъ рога. Хоръ поетъ).

Все въ мірѣ живущее смертно;
Безсмертно одно бытіе.
И смертно все то, что стремится
Безсмертенъ стремленія духъ.

* * *

Единая Истина вѣчна:
То Правда, Добро, Красота.

Занавѣсъ.

Складъ изданія:

Одесса, Книжный магазинъ „ОБРАЗОВАНІЕ“ Ришельевская, 12.

Цѣна 40 коп.

Москва: Книжный магазинъ „ОБРАЗОВАНІЕ“, Кузнецкій мостъ, № 11.

Кіевъ: 1) Книжный магазинъ Л. Идзиковскаго, Крещатикъ, 29.

2) Книжный магазинъ „Трудъ“, Фундуклеевская, № 5.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024004159